

ПЕРЕЗАГРУЗКА

САЛАЗА
ТРУДУ

ГЕННАДИЙ МАРЧЕНКО

МЕНЯ
ИСТОРИЮ

Annotation

Хронопутешественник Сергей Губернский осваивается в советском прошлом, становится известным писателем, композитором, сценаристом и приступает к своему плану по спасению СССР. А для этого необходимо завязать знакомства на самом верху, сделать ставку на кого-то из политиков, кому он сможет довериться. И такой человек находится...

Геннадий Борисович Марченко

Меняя историю

© Марченко Г.Б., 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

— Всё, я так больше не могу! Что хотите делайте, Андрей Арсеньевич, но это не скафандр, а настоящая душегубка.

Тарковский и сам понимал, что Олегу Янковскому, игравшему роль советского космонавта Виктора Огнева, в скафандре на тридцатипятиградусной жаре приходится нелегко. Хотя нелегко — это мягко сказано. Я, сидя под большим навесом, и то постоянно пил тёплый зелёный чай и вытирал носовым платком пот с лица и шеи. Что уж говорить о Янковском, которому приходилось часами париться в скафандре под палящим солнцем Кызылкума, изображая бродящего по Марсу космонавта.

Пустыня Кызылкум была выбрана Тарковским неслучайно, поскольку местный песок по цвету совпадал с красным марсианским. Недаром с тюркского Кызылкум так и переводится — красные пески. Да и горы имелись, дополняя марсианский пейзаж. Мы расположились у горного массива Букантау, на склонах которого, по счастью, ничего не росло. Иначе зритель потом поднял бы нас всех на смех с такими кино ляпами.

Честно говоря, когда Тарковский предложил мне съездить с киногруппой на натурные съёмки, я не выказал по этому поводу особой радости. Это же целый месяц предстояло жариться в пустыне, центром которой был тот самый Учкудук, городишко на то время, кстати, закрытый по причине разработки урановых руд. Но Валя неожиданно предложила мне развеяться, отправившись в Среднюю Азию.

— Когда ещё согласишься, как настоящее кино снимают?! Да ещё и мой любимый Янковский в главной роли! Возьми с собой фотокамеру и обязательно сфотографируйся с ним. А заодно и проследишь, чтобы Тарковский ничего не напутал, а то ты одно написал, а он снимет совсем другое.

Вот именно последний аргумент и склонил чашу весов в пользу того, чтобы отправиться в киноэкспедицию. Зная режиссёра как любителя философских сцен, превалирующих над действием, я собирался по возможности окорачивать Андрея Арсеньевича. Хотя на самом деле слабо представлял, как можно окоротить славящегося своим жёстким и непреклонным характером Тарковского. Это со мной он пока был вежлив и обходителен, а я ещё в аэропорту Внуково стал свидетелем, как его помощница получила нагоняй за то, что опоздала всего на три минуты к условленному времени.

Кстати, ещё на стадии подготовки я поинтересовался у Тарковского насчёт спецэффектов. Мол, космический корабль окажется размером один к десяти, а актёры, играющие космонавтов, будут болтаться на леске, изображая парение в невесомости?

— Сергей Андреевич, я, признаться, не большой специалист по спецэффектам, они для меня не первостепенны. У нас есть художник-постановщик Миша Ромадин, он со мной над «Солярисом» работал, я ему, в принципе, доверяю. Но последнее слово всегда за мной.

Разговор этот я завёл неспроста. Захотелось, чтобы фильм, снятый по моему сценарию, был насыщен если уж не голливудскими, то вполне достойными спецэффектами. А кандидатура на роль постановщика спецэффектов у меня имелась. Незадолго до провала в 1975 год в Живом Журнале я прочитал материал, посвящённый советскому режиссёру Павлу Клушанцеву. Раньше я о нём не слышал, а в тот момент заинтересовался. Якобы Клушанцев настолько опередил своё время, создавая спецэффекты для собственных фильмов «Дорога к звёздам» и «Планета бурь», что сам Джордж Лукас называл его своим учителем. Ради

интереса я полтора часа посвятил просмотру в онлайн картины «Планета бурь», и действительно, для 1962 года спецэффекты и впрямь смотрелись очень зрелищно. Клушанцев, казалось, выжал всё, что можно было выжать в эпоху отсутствия компьютеров. Вот мне и подумалось, почему бы такого уникального мастера не пригласить в наш с Тарковским фильм?

Поначалу Андрей Арсеньевич, услышав фамилию моего протеже, только махнул рукой: — Старика уже давно списали из кино, кинематограф ушёл далеко вперёд.

Но я был как никогда настойчив и даже втайне от Тарковского встретился с директором «Мосфильма» Николаем Сизовым. Николай Трофимович, как выяснилось, был поклонником картин Клушанцева и пообещал помочь утвердить его кандидатуру в фильм «Марсианин».

Узнав, что я, не ставя его в известность, встречался с Сизовым, Тарковский пришёл в негодование.

— Состав съёмочной группы утверждаю только я и никто другой! — почти кричал режиссёр, бегая по кабинету.

Но в этот раз я проявил неожиданную даже для себя твёрдость, заявив, что если не будет Клушанцева, то и моей фамилии в титрах тоже не будет. Сценарий я забрать не мог, поскольку он уже был утверждён в Госкино и тем же Сизовым и на ещё не снятый фильм уже нашлись покупатели в ГДР, Польше и Чехословакии. Валюта стране была нужна, так что фильм сняли бы и без моего участия. Но когда я заявил Андрею Арсеньевичу, что, извините, задницу рву ради того, чтобы фильм стал настоящим шедевром, а не нудной белибердой, Тарковский неожиданно остановился и внимательно на меня посмотрел, словно видел мою физиономию впервые. Затем задумчиво потёр подбородок и обречённо махнул рукой:

— Чёрт с вами, тащите вашего Клушанцева, если он ещё не помер от старости.

Домой к шестидесятишестилетнему режиссёру фантастических фильмов я приехал вместе с его ассистенткой. Верочка отправилась по приказу босса, просто как человек Тарковского, а переговоры должен был вести я, раз уж инициатива исходила от меня.

Павел Владимирович оказался вполне ещё бодрим пенсионером, квартира которого была превращена в настоящую мастерскую. Он постоянно что-то мастерил, в том числе макеты космических кораблей, как настоящего, так и будущего. Я просто офигел, когда увидел почти один в один макет космического фрегата «Нормандия SR-2» из игры «Mass Effect», которой я одно время увлекался. Не иначе, америкосы всё же передрали позже творение нашего режиссёра.

Выразив восхищение работами мастера, я озвучил предложение, от которого, по моему мнению, Павел Владимирович просто не мог отказаться. Клушанцев, обрадованный тем, что о нём ещё не забыли, тут же выразил готовность посодействовать в создании фильма. Я оставил ему экземпляр сценария, пообещав позвонить через пару дней. Через два дня режиссёр воодушевлённо заявил, что уже видит, каким будет космический корабль марсианской экспедиции, и если ему предоставят материалы и помощников, то готов сделать его не один к десяти, а даже один к пяти. Марсоход в его представлении тоже разительно отличался от современных луноходов, хотя шестиосевую систему колёс конструктор решил сохранить. У Клушанцева также возникла идея, как создать эффект невесомости, чтобы актёры не болтались на тросиках. В общем, эти два дня Павел Владимирович провёл плодотворно. Не только успел сценарий прочитать, но и продумать технические моменты.

Встреча Тарковского и Клушанцева едва не сорвала все мои планы. Ветеран отечественного кинематографа решил выразить свои мысли о недочётах картины «Солярис».

Мол, он читал книгу Лема и не понял, зачем Андрей Арсеньевич сделал из фантастической книги театральную постановку. Видя, как закипает Тарковский, я тут же попытался спустить ситуацию на тормозах, переведя разговор на тему «Марсианина». Вроде бы удалось, хотя понервничать в тот момент довелось серьёзно.

Неугомонный Клушанцев даже вызвался лететь с нами в Узбекистан, хотя марсоход «Мир» под его руководством собрали в мастерских «Мосфильма» и намеревались транспортировать в Учкудук в товарном вагоне.

— А вдруг во время транспортировки что-то сломается? — лупил железобетонными аргументами пенсионер. — Вы там так почините, что из марсохода получится садовая тележка. А мне позорить свою седую голову на старости лет ни к чему.

В общем, так и напросился. В перелёте из Москвы в Ташкент он предпочёл сон чтению газет и журналов. Я сидел рядом с оператором картины, а Тарковский — через проход. В какой-то момент Андрей Арсеньевич, оторвавшись от чтения стихов Лорки, вдруг посмотрел на меня и сказал:

— Сергей Андреевич, а, пожалуй, я вас тоже задействую в какой-нибудь небольшой роли. Только уже по возвращении в Москву, когда будем работать в павильонах. Вы не против?

— Конечно же, с радостью готов сыграть даже в эпизоде.

Из всего актёрского состава в Кызылкум летел один Янковский, он сидел в самолёте рядом с режиссёром. И в оригинале, и по моему сценарию на фоне красных песков бегают только главный герой, остальным актёрам там делать нечего. Вот и отправились в Среднюю Азию Янковский, сам Тарковский, его симпатичная помощница, главный оператор, осветитель, художник-постановщик, художник по костюмам, мастер спецэффектов, несколько ассистентов и технический персонал. В общем, набралось почти два десятка человек.

Приземлились мы в ташкентском аэропорту вечером 10 июня. Нас встречал какой-то местный партийный деятель, который устроил всю группу в лучшую ташкентскую гостиницу. И уже на следующее утро мы загрузились в поезд и отправились в сторону Кызылкума, о красных песках которого Тарковский был наслышан. Ожидания нас не обманули, песок действительно в некоторых местах пустыни имел красноватый оттенок, да и горы поблизости подходящие были.

Помимо Учкудука, где находилась железнодорожная станция, в нескольких километрах от нашей съёмочной площадки располагался маленький аул, в котором мы и разместились, заняв пару заброшенных хижин, сложенных, как мне сообщили, из верблюжьего навоза. Проводили мы в нём только ночи, а с утра отправлялись на съёмки. Хотя как-то и ночью пришлось снимать, но тут я включил лентяя, предпочитая понежиться пусть и в не совсем удобной, но всё же постели. Продукты в аул каждую субботу привозила автолавка. А вода имела своя, артезианская. Понятно, что обитали здесь преимущественно старики, молодёжь при первой возможности сбегала в город. Впрочем, такая тенденция была характерна для всего Союза, а после перестройки деревни и вовсе стали вымирать одна за другой.

Одним словом, жить сложно, но можно. Пару раз я с разрешения Тарковского вклинивался в съёмочный процесс, когда, на мой взгляд, действо отходило от сценария. Андрей Арсеньевич внимательно прислушивался к моим рекомендациям и однажды даже сделал по-моему.

А вот со скафандром, внешне немного модернизированным умелыми руками Клушанцева, действительно была проблема. Первую неделю Янковский кое-как отснялся, страшно страдая от обезвоживания и выпивая каждый раз по три литра припасённой для него воды. Но затем терпение актёра иссякло, и он решил заявить протест, свидетелем которого я и стал.

— Олег, ну что я могу поделывать? — развёл руки в стороны Тарковский. — Разве я виноват, что нам выдали такой скафандр, без системы охлаждения, как положено настоящим космонавтам? И так уже всю подкладку выпотрошили, чтобы его облегчить. Будь человеком, потерпи ещё недельку.

— Нет, я понимаю, что искусство требует жертв, — продолжал бурчать Янковский, — но тут реально может нарисоваться жертва. И вас же потом и посодют.

Я слушал их лёгкую перепалку, а сам вспоминал события последнего месяца.

Как я и предполагал, Государственная премия за роман «Крейсера» мне обломилась, а вот «Золотой кортик» от главкома ВМФ Сергея Георгиевича Горшкова я получил. В той-то реальности такую же награду Пикулю вручал тогдашний главнокомандующий ВМФ Чернавин, но, видно, хоть сейчас флотом и руководил другой адмирал, однако в чём-то история имеет свойство повторяться.

На радостях я пообещал Горшкову написать песню, посвящённую нашему непобедимому флоту, и моё предложение было встречено с огромным энтузиазмом. Песня из репертуара группы «Любэ» под названием «Там за туманами», которую я представил флотоводцу, подходила как нельзя кстати. Правда, адмирал придрался к тому, что в тексте фигурирует слово «пьяными», мол, на наших кораблях спиртного в принципе быть не может, если только в аптечке судового врача. Здесь же, при Горшкове, я предложил заменить смутившее его слово фразой «ветрами пряными», что тут же получило одобрение. Но так просто отделаться мне не удалось. Я проговорился при Горшкове, что было бы здорово снять музыкальный ролик на эту песню, и тот ухватился за предложенную идею. В итоге адмирал припахал режиссёра Леонида Быкова. Вскоре клип был готов. Кстати, неплохо получилось.

Высоцкий всё же выехал к своей Марине в Париж, может, в этом деле свою положительную роль сыграли и мои показания. Во всяком случае, представители КГБ на меня пока не выходили, так что я мог только догадываться, как там решался вопрос и на каком уровне.

В пензенских газетах вновь всплыло моё имя, теперь уже в связи с тем самым обнаруженным в катакомбах сундуком. Фото со мной, Сергеем и Виктором у кучи старинных книг, да ещё и держащими в руках по толстому фолианту, украшало первую полосу «Молодого ленинца». Аналогичная фотография красовалась на развороте «Пензенской правды». От лица Мясникова мы трое были премированы грамотами и небольшой денежной суммой. Как говорится, хоть и мелочь — а приятно. А ещё с помощью Георга Васильевича, которого я уважал всё больше и больше, книгу «Крепость на Суре» отправили печатать в издательство «Художественная литература». Надеюсь, что по возвращении из Узбекистана уже смогу подержать её в руках.

Между тем я всё чаще доставал Валю идеей переселиться поближе к столице. Мысль захватить одну из дач в Переделкино мне ужасно понравилась, а учитывая, что ручеёк гонораров и авторских стал превращаться в небольшую речушку, можно было всерьёз прицениться. Будучи всю жизнь городским обитателем, я всегда подсознательно мечтал жить в своём загородном доме. Желательно благоустроенном, с водопроводом, газом и

отоплением, а также всеми удобствами для проведения гигиенических процедур, то бишь ванной и туалетом. Но чтобы из окна были видны лесок, речушка, поля... Учителем я себе такого позволить не мог, разве что взять ипотеку, которую пришлось бы выплачивать до глубокой пенсии. А в моём нынешнем положении можно, пожалуй, и замахнуться на такой домик о двух этажах. Правда, пока в мыслях, потому что я даже не знал, когда ещё руки дойдут до реальной покупки. Во всяком случае, этот месяц я проводил далеко и от дома, и от Москвы.

— Ладно, будем снимать рано утром, — вынес вердикт Тарковский, — когда ещё не так жарко. Но осветителям придётся поработать.

— Да нормально всё будет, Андрей Арсеньич, — заверил осветитель, немолодой коренастый мужик с чуть выпирающим брюшком. — С экраном поработаем, с софитами, аккумуляторы заряжены до упора. Будет светло как днём.

— Смотри, Виктор Иваныч, верю на слово... Павел Владимирович, что там с марсоходом? Бензин залили? Тогда через десять минут снимаем следующую сцену.

— А может, я смогу подменить Олега?

Все тут же посмотрели на меня.

— Ну, не всегда же он в кадре крупным планом, — пояснил я. — На общих-то я могу его подменить. Уж по походке зритель вряд ли определит, актёр в кадре или его дублёр.

— А что, мне эта идея нравится, — сказал Янковский, только что закончивший умываться водой из канистры.

В итоге так и сделали. Действительно, на общих планах оператор никаких различий не увидел, причём у меня довольно неплохо получалось копировать жесты и походку Янковского.

— Как это я сам не догадался! — качал головой режиссёр, в кои-то веки признавший собственный промах.

— А это кого к нам несёт? — вдруг воскликнул один из техников.

Мы все дружно повернули голову в сторону, куда он смотрел. Там поднимались клубы пыли, а вскоре мы могли различить кавалькаду, состоявшую из трёх машин. Впереди пылил правительственный ЗИЛ, затем чёрная «Волга», а следом — милицейский уазик. Интересно, что это за шишка к нам пожаловала?

Всё прояснилось, когда с заднего сиденья ЗИЛа выбрался пожилой улыбающийся человек восточной внешности со звёздочкой Героя Социалистического Труда на лацкане пиджака, при котором чуть ли не козликом скакал лысоватый помощник с реденькими усиками.

— Это же сам первый секретарь компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов, — так громко прошептал наш водитель Фархад, что его, похоже, услышали все присутствующие на съёмочной площадке.

— Здравствуйте! Вот, приехали посмотреть, как у вас тут снимается кино, всё ли в порядке, может, чем-то нужно помочь?

— Да вроде справляемся, спасибо, — ответил Тарковский, пожимая руку первому секретарю.

Мы тоже присоединились к рукопожатиям, в том числе и Верочка, ассистентка режиссёра, которой Рашидов умильно улыбнулся. Следом за первым секретарем руки нам жал руководитель Навоийской области, в которую входил этот район пустыни.

Начались расспросы, что да как. Всё это время рядом выплясывал не только помощник

Рашидова, но и фотограф с корреспондентом из центральной республиканской газеты.

— Ладно, не буду вас отвлекать от процесса, — сказал Шараф Рашидович, обстоятельно ознакомившись с положением дел. — Вижу, всё у вас нормально. Как закончите, я для вас в Ташкенте банкет организую. Не отказывайтесь, для нас святая обязанность накормить и напоить гостя так, чтобы он всю жизнь потом об этом вспоминал. Отметим, так сказать, успешное окончание съёмок.

— Ну, до окончания ещё далеко, у нас немалая часть будет сниматься в павильонах «Мосфильма», — улыбнулся Тарковский. — Но за приглашение спасибо.

— Тогда мой помощник, — Рашидов кивнул в сторону усатенького, — будет с вами на связи. Вот его номер. Доберётесь до Учкудука, там с вокзала позвоните, и как придёте в Ташкент — вас встретят.

Закончили мы съёмку на два дня раньше запланированного. С вокзала в Учкудуке отзвонились по выданному нам Рашидовым телефону, и на ташкентском вокзале нас встретил тот самый помощник, которого звали Мансур. Сначала группу повезли в гостиницу, а Веру мы отправили в аэропорт за билетами. Билеты в наличии имелись, так что завтра в 11.30 мы все одним рейсом вылетаем в Москву. До вечера оставалось время, и мы решили посетить знаменитый восточный базар.

Оказалось, что в Ташкенте их несколько. Мы выбрали «Старый базар», что напротив проспекта Ахунбабаева. Слева высился красавец минарет, куда мы тоже решили зайти, но попозже.

Арбузов пока было немного, в основном предлагали так называемые «скороспелки». С дынями та же история. Но когда мы попробовали предложенную нам дыню сорта «амири», то решили взять каждый по штучке домой в надежде, что бахчевые выдержат транспортировку. Ещё парочку купили поснедать в гостинице до вечернего банкета. А вот арбузы были пока не очень сладкие, мы вежливо отклонили предложения настойчивых продавцов.

Вечером за нами приехал специальный автобус, на котором мы отправились в один из лучших ресторанов Ташкента «Зарафшан». Ого, да тут нас встречают лучше, чем во время банкета с Брежневым на Дне учителя. Обилие блюд и напитков поражало воображение. Сам Шараф Рашидов произнёс первый тост, какую-то витиеватую речь. Алаверды выступил Тарковский, в этот вечер пивший мало. Как мне объяснили, он в последнее время пьянство не жаловал.

Затем пришло время подарков. Тут первый секретарь разошёлся не на шутку. Вручил режиссёру халат небывалой красоты, и, честно говоря, глядя на этот подарок, я невольно испытал зависть. А потом ещё и для жены Тарковского шубу из каракуля. Мне достался тоже халат, но попроще, и кинжал удивительной работы, с узорами на ножнах и на самом клинке.

— Я ведь тоже книги пишу, — сказал Рашидов, узнав, что я не только сценарист, но и писатель. — И стихи, и прозу. Последний мой роман называется «Зрелость». Думаю, о чём бы ещё написать.

— Пишите фантастику, — ляпнул я, слегка потеряв над собой контроль после нескольких рюмок выпитого. — Вот где простор для фантазии! А то про хлопок и трудовые подвиги, наверное, писать уже надоело?

— Фантастику? У вас же, кстати, тоже фантастика, по которой фильм снимается?

— Есть такое дело. Хотя в моём арсенале имеется и современная проза, и военно-историческая. Я вообще разноплановый писатель. — Понимая, что меня повело куда-то не

туда, а Рашидову, как якобы писателю, наверняка хочется, чтобы обсуждали его творчество, я сказал: — Кстати, как прилетели в Узбекистан, появилась мысль почитать ваши книги. Какие посоветуете, с чего начать?

Зря я задал этот вопрос. Минут двадцать Рашидов, забыв о присутствующих, которые, впрочем, уже никого не стесняясь, пили и ели, рассказывал о своём творчестве. А в итоге заставил верного Мансура куда-то бежать и нести мне подарочное издание своей трилогии, состоявшей из романов «Победители», «Сильнее бури» и «Зрелость». М-да-а, мои книги в таком богатом переплёте, с такими потрясающими иллюстрациями, наверное, не выйдут никогда.

— Чем же я отдариваться буду, Шараф Рашидович?

— Какой отдариваться?! Обижаешь, дорогой! Это подарок от чистого сердца. Вы — наши гости, а на Востоке гостям дарят самое лучшее.

— А давайте я вам песню подарю про Учкудук!

Честно говоря, озарило меня не вдруг, о песне я вспомнил, как только в разговоре с Тарковским промелькнуло название этого городка. Уж что-что, а эту композицию, в отличие от многих других попсовых вещей, я всё же в своё время запомнил. Правда, в суете съёмочных дней мысль о песне как-то погасла, а вот сейчас снова загорелась этакой сверхновой, усиленной действием спиртосодержащих напитков.

Естественно, Рашидов заинтересовался, и с его одобрения я отправился к ВИА, лениво наигрывавшему в углу какие-то восточные мотивы.

— Ребята, имеется несложный мотивчик, давайте по-быстрому подберём ноты, чтобы вы могли подыграть, а песню я, так уж и быть, спою сам.

Музыканты оказались парнями понятливыми, и «Учкудук» мы выучили минут за десять, если не меньше. А вскоре уже весь зал подпевал:

Учкудук — три колодца
Защити, защити нас от солнца!
Ты в пустыне — спасительный круг,
Учкудук!..

Песню пришлось дважды исполнять на бис и, судя по довольному выражению лица первого секретаря ЦК КП Узбекистана и по тому, как он хлопал в такт, эта вещь ему невероятно понравилась.

— Вот молодец, какую песню сочинил! — обнимая меня, воскликнул Шараф Рашидович. — Это ведь Кызылкум и Учкудук воодушевили тебя, правильно?

— Так и было, как только мы высадились в Учкудуке и я узнал, что название города переводится как «три колодца», так сразу песня и родилась, — вдохновенно врал я, не успевая отвечать на рукопожатия приближенных к лидеру Узбекистана чиновников. — Позвольте подарить эту песню гостеприимному народу Узбекистана.

— Это поистине бесценный подарок! — воскликнул Рашидов.

Одним словом, халат и кинжал с книжками я отработал, вызвав в то же время у Тарковского приступ ревности. Внешне это почти никак не проявлялось, но за месяц, проведённый рядом с режиссёром, я научился понимать его мысли по малейшим признакам. Вот и сейчас он совсем чуть-чуть прищурился, да ещё и закурил, что стало для меня

признаком возможного попадания в опалу. Ладно, переживём как-нибудь.

Между тем внимание Рашидова переключилось на нашу ассистентку режиссёра. Верочка, довольно неумело играя скромницу, то и дело заливисто хохотала в ответ на всё более скабрёзные шутки первого секретаря ЦК КП Узбекистана. Но тут ещё трезвый Тарковский незаметно погрозил ей пальцем, поблагодарил Рашидова за тёплый приём, и Верочка вместе с нами откланялась.

На прощание Шараф Рашидович пообещал, что обязательно прислушается к моему совету и попробует написать научную фантастику. Ну да, знаем мы ваше творчество. Небось найдёшь пару-тройку малоизвестных писателей, а то вон Брежнев тоже вроде бы сам написал трилогию «Малая земля», «Возрождение» и «Целина»...

Из Москвы я решил сразу же отправляться в Пензу, в тот же день и тоже на самолёте. Жена уже заждалась. Да и дыня не вечная...

— Серёжа, ничего себе, сколько всего!

Я стоял в дверях с сумкой на плече, в которую каким-то чудом запихал трёхтомник Рашидова, дыню, халат... и улыбаясь смотрел на любимую супругу. Данька спал, правда, в дальней комнате, но всё равно наша встреча проходила вполголоса. Объятия, поцелуи, разглядывание гостинцев из Узбекистана, дегустация дыни... А потом бурная ночь, по ходу которой я понял, как мы соскучились за этот месяц друг без друга.

Лестница на второй этаж слегка поскрипывала, но я посчитал это мелочью. Да, дом не первой молодости, но в целом этот особняк, располагавшийся на улице Лермонтова в Переделкино, мне понравился. Построенный по немецкому проекту, двухэтажный, с открытой верандой, с гостиной и кухней на первом этаже и спальнями и рабочим кабинетом на втором, отдельным санузлом... Правда, канализация была не проточная, отходами жизнедеятельности заполнялась специально вырытая под домом яма, которую должен осушать периодически приезжавший в посёлок золотарь на своей машине с цистерной и насосом.

Дерево прогнило лишь в одном месте, а именно лестница, ведущая в подпол, но заменить её было по большому счёту парой пустяков. А буквально в двух шагах от дачи текла Сетунь. В прежние времена, говорят, речка была намного полноводнее. По соседству высилась дача Окуджавы, а чуть дальше — особняк Леонида Леонова.

— Как вам дачка, впечатляет? Между прочим, здесь раньше жил известный писатель и драматург Всеволод Иванов.

— Да-да, наслышан.

Я обернулся к моему спутнику Давиду Израилевичу Раху, представлявшему в Переделкино местную власть. Вроде бы из несостоявшихся поэтов, зато на жилищном поприще карьера у товарища удалась. Пристроился в Переделкино своего рода завхозом, обзавёлся массой полезных связей, и писатели с поэтами, артисты и режиссёры, если что случалось, шли на поклон именно к Раху. С ним я планировал завязать дружеские отношения, раз уж такой нужный человек. Но вот распределением дач заведовал Литфонд, и просто так, как выяснилось, приобрести жильё в элитном посёлке было нельзя.

И я произвёл небольшую разведку, побродив по кулуарам Союза писателей, выяснил, как проходит процесс распределения жилплощади в Переделкино. Запомнив фамилию главного в этом деле человека — им был некто Евгений Петрович Мишин, — стал думать, как к нему подкатить. И тут позвонил Чарский, с радостью объявивший о том, что Инга стала лауреатом международного конкурса в Сопоте, выиграв «Янтарного соловья» с песней «Искала». Ну я же знал, что этой вещи уготовано большое будущее! Да и девушке тоже, если уж на то пошло.

Между делом я поделился своей проблемой. И тут выяснилось, что Чарский неплохо знает этого Мишина, занимающегося распределением писательских дач. Пообещал закинуть крючок и отзвониться.

Через два дня у нас состоялся новый разговор с Анатолием Авдеевичем.

— В общем, в следующую среду к двум часам дня нам назначено у Мишина, я вас буду сопровождать. Судя по намёкам Евгения Петровича, положительное решение вопроса обойдётся в пределах пяти тысяч рублей. Так что деньги захватите. Кстати, а вы состоите в Союзе писателей? А, ну тогда нет вопросов, жду вас в среду в Москве.

Вот так, за пять тысяч целковых, я и стал обладателем вполне приличной дачки в знаменитом посёлке. После Иванова здесь проживал его сын, известный лингвист, а последние три года дача стояла законсервированной. Надеюсь, Вале, когда я её сюда привезу, мой выбор понравится. Хотя, честно говоря, выбирать было особо не из чего. Мне предложили три варианта, и этот мне показался самым достойным, с чем согласился и Давид Израилевич.

— Конечно, тут надо бы обои подклеить, здесь пол подлатать, лестницу в подвал поменять, само собой, а то ведь половицы гниловатые, не выдержат, чего доброго, — бормотал Рах. — Мебель старая, но, в принципе, ещё добротная.

— Точно, мне очень понравился рабочий стол в кабинете на втором этаже, его я оставлю по-любому. А вот этот шкаф — на помойку.

— Не торопитесь, молодой человек, на помойку всегда успеется. Если надумаете избавляться от шкафа, я сам всё устрою. Пришлю людей и заберу у вас мебель. А вот этот гарнитур на восемь персон оставите или тоже... того?

Вишь ты, какой рачительный, прямо настоящий Плюшкин. Интересно глянуть на его жилище, наверное, стащил туда всё, что плохо лежало. Ну да это его дело, главное, чтобы мне от него была польза.

— Нет, Давид Израилевич, гарнитур я не «того», стулья добротные, хоть и не гамбсовские, на них ещё сидеть и сидеть. Других у меня пока всё равно нет.

— Понимаю, вопросов больше не имею. Пойдёмте, я вам двор покажу, там тоже немало интересного...

Получив ключи от дачи и чувствуя себя почти состоявшимся небожителем, вечером того же дня я отправился в Москву. У меня была назначена встреча с Полевым, инициатором выступил я, подкупил его якобы новой рукописью, которая, впрочем, на самом деле имела место быть и называлась «Азазель». Да, вот так, я всё же рискнул предложить вещь подобного плана к печати, хотя и в довольно прогрессивном журнале. Но, по большому счёту, главной целью встречи была отнюдь не рукопись.

На этот раз мы пересеклись в ресторане Центрального дома литераторов. Место выбрал Полевой, когда я попросил его о встрече в неофициальной обстановке. По пути к заказанному Борисом Николаевичем столику ему то и дело приходилось здороваться, да и мне пару раз довелось пожать чью-то руку. Меня узнавали, тогда как я сам, казалось, всех здесь присутствующих видел впервые.

— Выбирайте, Борис Николаевич, сегодня я угощаю, — великодушно заявил я, открывая карту меню.

— А что, есть повод?

— Можете поздравить, сегодня я стал счастливым обладателем дачи в Переделкино.

— Серьёзно?! Ну, тогда и впрямь повод есть. Даже я, и то не сподобился в посёлок заселиться.

Узнав, что дача раньше принадлежала писателю и драматургу Всеволоду Иванову, Полевой под рюмочку холодной «Столичной», которую закусил корнитоном, тут же пустился в воспоминания. Вспомнил историю, как Иванов, выступая на съезде советских писателей, оговорился, назвав Эренбурга Эдинбургом, тем самым едва не доведя Илью Григорьевича до инфаркта.

— Борис Николаевич, у меня к вам будет одна небольшая просьба, — прервал я словоизлияния Полевого, готовившегося опорожнить очередную рюмку.

— Просьба? Ну-ка, ну-ка, что за просьба, может, и помогу...

— Вы же наверняка знаете, что некоторые руководители партии известны ещё и как писатели. Тот же Рашидов, с которым я недавно встречался на съёмках в Узбекистане, издал несколько книг. Даже Брежнев, по слухам, планирует выпускать трилогию. Понятно, что пишут они с помощью профессиональных писателей или журналистов, так ведь, Борис Николаевич?

— М-м-м, пожалуй... — Полевой выжидательно посмотрел на меня, мол, продолжай, я весь внимание.

— Слышал я биографию первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Петра Машерова. Героическая, он был известным партизаном. Вот я и подумал, почему бы ему не издать свои воспоминания в прозе? Ведь есть о чём написать! А я бы ему в этом посодействовал, пусть даже на обложке не будет моей фамилии. Поможете, Борис Николаевич, пересечься с Машеровым? Вы как-никак вхожи во власть, общаетесь запросто с кремлёвскими небожителями. А я уж в долгу не останусь.

— Вон оно что... — протянул Полевой. — А почему именно Машеров? У нас много и других деятелей со славной биографией.

— Да вот что-то загорелось, прочитал воспоминания современников, но всё это не систематизировано, а ведь на их основе можно написать художественное произведение. Но главные воспоминания должны исходить от самого Машерова. Хотя бы недельку поработать вплотную, как у Петра Мироновича появится возможность уделить мне время.

— Не знаю, не знаю... Машеров — человек своенравный, может и отказаться. Лично с ним незнаком, хотя и пересекались несколько раз. Можно попробовать через Федина. Всё-таки Константин Александрович возглавляет правление Союза писателей, к его мнению Машеров может прислушаться.

Мы посидели ещё часок, обсуждая современную литературу и мои планы на будущее, после чего Полевой начал собираться. Я расплатился с официантом, вызвал для Бориса Николаевича такси и отправил писателя домой.

Надеюсь, мой план удастся, иначе придётся придумывать другой. Я решительно настроился на контакт с руководителем Белоруссии. Своё место под солнцем я уже занял, моё имя мелькает то в писательских, то в музыкальных кругах. Настало время заняться страной, и кандидатура Петра Машерова в моих планах была приоритетной. Как историк, я помнил, что неплохо себя зарекомендовал и первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов. Но это был запасной вариант, если с Машеровым всё же ничего не выгорит. А могло получиться и так, что Пётр Миронович, когда я открою перед ним все карты, возьмёт и сдаст меня соколам Андропова. Кто ж его знает, чужая душа — потёмки. Хотелось верить, что до этого не дойдёт.

Ночь я провёл в гостинице, пока в Переделкино ночевать в одиночку не очень тянуло. Да и мотаться на электричке туда-обратно лишний раз не хотелось. А на следующий день мои мысли оказались сосредоточены на съёмках «Марсианина». На «Мосфильме» меня ждал Тарковский, где, как выяснилось, мне предстояло сняться в одной небольшой роли.

Едва переступив порог павильона, превращенного в Центр управления полётами, я буквально нос к носу столкнулся с Джеком Николсоном. Тот лениво потягивал горячий кофе, удручённо качая головой.

— Факинг кофе, — бормотал голливудский актёр.

Похоже, бодрящий напиток явно оставлял желать лучшего. Хорошо, хоть не цикорий ему предложили, хотя, как я успел заметить, некоторые сорта предлагаемого в СССР кофе по вкусовым качествам уступали даже цикорию.

— А, здравствуйте, Сергей Андреевич! — приветствовал меня Тарковский, оторвавшись от руководства хаотично двигавшейся по площадке массовки. — Идите тоже возьмите у костюмера белый халат, а потом я объясню вам вашу роль. Она несложная, буквально пара фраз.

Костюмер Антонина Васильевна вручила мне белоснежный халат, однако с застиранным пятном на левом подоле, и я направился к режиссёру за инструкциями. Выяснилось, что мне предстоит сыграть помощника генерального конструктора. Я вспомнил, что действительно был такой эпизодический герой в моём сценарии, который заявляется к своему шефу, протягивает ему папку и говорит: «Андрей Викторович, тут Соснин просил вам передать свои новые расчёты по орбите „Победы”. Говорит, это срочно, сам он скоро подъедет, а к его приезду вам желательно ознакомиться с расчётами».

Понятно, что пиши я роман хотя бы лет на двадцать позже, то ни о каких папках речи бы и не шло. Всё-таки в 90-х уже знали, что такое Интернет и сетевая передача данных. А тут, чтобы не забивать голову зрителю, расчёты по старинке приносят в папочке, вот Тарковский и решил отдать мне роль этого папконосца.

Начальника ЦУПа играл народный артист СССР Михаил Ульянов. Наверное, это был чуть ли не единственный человек на съёмочной площадке, с мнением которого Тарковский более-менее считался. Интересно, а с Николсоном Андрей Арсеньевич тоже будет пальцы гнуть? Пока, правда, голливудский актёр отдыхал, присматривался к происходящему. Как рассказал мне его переводчик, Николсон приехал в нашу страну только из-за Тарковского, которого чуть ли не боготворил. Ему предстояло сыграть американского астронавта в международном экипаже космического корабля «Победа». В соседнем павильоне уже был готов макет рубки управления, где актёров будут снимать сидящими в креслах.

Но самое интересное ожидало их впереди. Клушанцев придумал, как поместить «космонавтов» в состояние невесомости без использования тросиков и лесок. Когда Павел Владимирович мне озвучил свою идею, я чуть не треснул себя по лбу. В принципе, я знал о том, что невесомость можно создать в обычном самолёте во время свободного падения, как-то видел это и в научно-популярном фильме. Так вот, Клушанцев и предложил задекорировать салон самолёта Ил-76 под космический корабль, загрузить актёров с оператором, а если надо, то и режиссёр может слетать. Самолёт летит по параболе, и в момент «спуска с горы» возникает эффект невесомости. В это время актёры, обряженные в одежду космонавтов, парят по салону так, как нужно режиссёру, а оператор всё это дело фиксирует на плёнку.

Тарковский, видимо, малознакомый с физикой, сначала было поднял Клушанцева на смех. Но затем, пообщавшись с консультантом фильма, Героем Советского Союза Алексеем Леоновым, отнёсся к этой идее более серьёзно. Оказалось, что советские космонавты уже тренируются по подобной методике, о чём знал и Клушанцев. Так что сейчас вроде бы параллельно пробивал в Министерстве обороны самолёт для нужд съёмочной группы.

— Приготовились! Режим тишины, — разнеслось по съёмочной площадке, и разноголосица тут же смолкла.

— Мотор!..

— Сцена шестнадцать, — звонко пропела Верочка, щёлкая «хлопушкой».

— Камера!

Начался процесс съёмки очередной сцены. Тарковского почему-то не устраивало, как Ульянов в роли начальника ЦУПа распекает подчинённых.

— Мало экспрессии, мало, Михаил Александрович! Я вас прошу, побольше напора, голос должен звенеть, от работы всего коллектива зависит, удастся ли спасти советского космонавта или он так и пропадёт на этом злосчастном Марсе!

После третьего дубля мне стало скучно, и я решил побродить по «Мосфильму». Заглянул

в соседний павильон, переоборудованный под командирскую рубку космического корабля, посидел в одном из кресел, представляя себя космонавтом. Ну а что, Тарковский при желании мог меня не в эпизод засунуть, а дать более достойную роль, сделать, к примеру, членом экипажа корабля «Победа».

— «Гляди-ка, раскатал губу, — одёрнул я сам себя. — Славы захотелось, уже и в актёры метишь? Будь проще, и люди к тебе потянутся».

Потом мне надоело сидеть и в кресле пилота, и я отправился в другие павильоны. В одном снимали какую-то передачу для телевидения, в другом — музыкальный клип с группой «Самоцветы», как мне шепнул на ухо местный звукорежиссёр. А в третьем шли съёмки картины «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил». Ну конечно же, вот и Володя Высоцкий, перемазанный гуталином, он играл арапа. Я как раз попал в перерыв между съёмками, когда члены съёмочной группы могли выпить чаю или перекурить. То есть Золотухин и Петренко, к примеру, занялись чаепитием, а Высоцкий пошёл в курилку, и на выходе из павильона мы с ним столкнулись нос к носу.

— Ого, какая неожиданная встреча! — прохрипел бард.

— Здорово-здорово, тебя в гуталине и не узнать.

Мы обнялись, при этом у меня на щеке появился тёмный отпечаток, на который мне тут же указал Высоцкий и помог стереть отметину носовым платком.

— Рассказывай, какими судьбами?

— Да у нас тут в соседнем павильоне фильм снимается по моему сценарию. «Марсианин». Может, слышал?

— А как же, сам Тарковский снимает.

В голосе Высоцкого мне послышалась лёгкая ирония, да и губы скривились в слабом подобии улыбки. Мало ли что там у них было. Может, ничего и не было, просто, скорее всего, оба считают себя звёздами, а двум гениям терпеть друг друга рядом весьма затруднительно, не ужиться, хотя в истории кино полно противоположных примеров. Как бы там ни было, вероятно, именно по этой причине Тарковский не приглашает Высоцкого в свои фильмы.

— В общем, я там сегодня ещё небольшую роль играю, вот и соответствующий реквизит выдали, — подергал я воротник своего халата.

— Гляди-ка, растёшь, — расплылся в улыбке Высоцкий. — Книжки пишешь, песни сочиняешь, теперь вон и в актёры подался.

— А ещё мне дачу в Переделкино выделили, — не удержался я, чтобы не похвалиться. — Рядом с Окуджавой.

— Да ладно! Увидишь Булата Шалвовича — привет передавай. Уже обмыли новоселье?

— Жена ещё дачу и не видела, привезу её, покажу, надеюсь, одобрит выбор. Мне, во всяком случае, понравилась. Там раньше жил писатель Всеволод Иванов, который написал «Бронепоезд 14–69», и «Александра Пархоменко» сняли по его книге.

— Как же, помню, помню. «Любо, братцы, любо...» — напел Высоцкий. — Значит, с новосельем тебя. А обмыть нужно, на удачу, традиция такая, сам должен знать. Как надумаешь обмывать, звони, может, буду свободный, подъеду. Телефон мой есть?

— Твоего администратора, этого, как его, Ябловича.

— Тогда лучше мой домашний запиши, если что, звони напрямую. Ручка-бумажка есть? Плохо, что нет, а ещё писатель... Эй, Леха, одолжи ручку и листочек... Вот, держи, мой домашний номер, звони.

— Сергей Андреевич! Губернский!

Я обернулся и увидел летевшую ко мне на всех парусах Веру.

— Что случилось?

— Да как же... Ой, здравствуйте, Владимир Семёнович, вас прямо не узнать... Меня Тарковский за вами послал, сейчас же сцена с вашим участием сниматься должна. Я уж тут всё обегала, даже в столовую и мужской туалет заглянула, а вас нет нигде. Пойдёмте быстрее.

— Ну, давай, Тарковскому привет, — усмехнулся Высоцкий, пожимая мне на прощание руку.

А я подумал, что собрались тут, понимаешь, всё с окончанием на «кий»: Губернский, Высоцкий, Тарковский... Но тут Вера меня снова дёрнула за рукав, и пришлось ускориться.

— Вот, наша, он там с Высоцким у соседнего павильона разговаривал, — отчиталась ассистентка перед своим начальником.

— Да хоть с самим Господом Богом, но съёмочный график я срывать не позволю! Сергей Андреевич, чтобы это было в первый и последний раз.

— Постараюсь, Андрей Арсеньевич.

— Так, ладно, тишина на площадке. Все помнят свои слова? Где папка для Губернского? Да не мне, ему отдай, он у нас снимается... Вера, «хлопушка» готова? Ну, поехали.

«И вот, товарищи, мы с вами стали свидетелями того, как израильская артиллерия начала обстрел мирного палестинского поселения. Вон там, как вы можете видеть, только что взорвался снаряд. А ведь это кварталы, где живут обычные люди, такие же, как мы с вами, тогда как израильская пропаганда всюду пытается доказать, что Израиль воюет с боевиками».

Спецкор программы «Международная панорама» Фарид Сейфуль-Мулюков отважно вещал на фоне полуразрушенного строения, а за его спиной арабские подростки что-то орали и размахивали кто палкой, а кто и автоматом Калашникова. Ага, мирные жители... Это же бандит на бандите! Вот только наша пропаганда в свою очередь пытается вывернуть всё наизнанку. Оно и понятно, коль Штаты поддерживают Израиль, то СССР впрягается за Палестину. Лучше бы показали сюжет из Никарагуа, там хоть я солидарен с позицией Советского Союза по поддержке сандинистов.

Валя тем временем обряжала Даньку на прогулку в лёгкий импортный костюмчик, который я привёз из Москвы. Новость о том, что я всё-таки приобрёл дачу в Переделкино и ей теперь нужно съездить самой посмотреть наше жилище, Валентину воодушевила.

— Серёж, а с пропиской что делать будем? — поинтересовалась она.

— А в чём проблема?

— Так ведь нельзя одновременно быть прописанным по двум разным адресам. Если на даче жить будем, то отсюда нужно выписываться. А у нас Ленка в столичном общежитии прописана.

Вообще-то уже с полгода, как Ленка жила на съёмной квартире, но прописана всё равно оставалась в общежитии. С моими доходами я мог позволить падчерице проживание в более комфортных условиях.

— Давай не будем голову ломать, — продолжила Валя. — Ты прописывайся на даче, станешь столичным жителем, а я останусь прописана в этой квартире. Жалко терять жильё, мало ли что... Даньку тоже у себя прописывай, надо будет его прикрепить к местной детской поликлинике, взять направление на молочную кухню... Хотя о чём это я! Нам теперь уже пора заканчивать с молочкой, мальчик-то растёт, время переходить на пюрешки.

Лететь на самолёте с пацаном супруга наотрез отказалась, пришлось брать билеты в СВ. Завтра отъезд, а сегодня у Даньки с утра прорезался уже второй зубик. По счастью, пока этот процесс проходил безболезненно, без поноса, температуры и прочих симптомов.

— Серёжа, мы готовы. Хватит в телевизор тарашиться, бери камеру и идём с нами. Сам же предлагал устроить фотосессию на природе.

Ну да, предлагал, так что теперь не отвертись. Беру ставшую мне родной «практику», покрывало, большую бутылку с квасом из холодильника, сумку с едой, обуваюсь и выхожу на лестничную площадку вслед за женой и сыном. Мы решили прогуляться в сторону Суры, а заодно там же и отужинать, благо погода располагала.

— Давай я понесу Даньку, а ты сумку, если хочешь.

— Да он лёгкий, не надо. Если устану, сама попрошу. К тому же сумка, мне так кажется, потяжелее будет. Так что неси еду, а я сына.

До реки добрались минут за пятнадцать. Пляж тянулся вдоль русла метров на сто, и в этот воскресный вечер здесь ещё было немало отдыхающих. Солнце уже не так припекало,

как днём, к тому же лёгкий речной бриз создавал ощущение прохлады. Мы решили расположиться чуть в стороне, ближе к зарослям осоки и камыша, где рядом в воде плескались подростки. Постелили покрывало, на него из сумки выложили захваченную из дома снедь: огурцы, помидоры, зелёный лук, бутерброды с колбасой и сыром. Ну и конечно же квас, который в 1976-м гораздо вкуснее той газированной субстанции, что продавали в XXI веке.

Сделал несколько кадров своих родных, потом попросил отдохавшего неподалеку мужчину сфотографировать нас всех вместе.

— Валюш, раз уж я плавки захватил, может, искупаюсь?

— Иди поплавай, а мы с Данькой вдоль бережка прогуляемся, ноги пополоскаем.

Я с разбегу нырнул в чуть прохладную воду, нежно принявшую моё разгорячённое тело, и вынырнул метров через пятнадцать. Затем брассом поплыл от берега. Добрался почти до середины реки, лёг на спину и уставился в голубую бездну неба с редкими перистыми облаками. Здорово, так бы лежал и лежал, едва двигая раскинутыми в стороны руками и ногами. Вспомнил, что завтра до отъезда должен отдать Мясникову рукопись о пензенских подземельях. Всё-таки сумел выкроить ещё пару дней, чтобы полазить с Сергеем и Виктором по катакомбам, а затем всё это систематизировать, включая рассказы диггеров. Заодно перерисовал карту подземных ходов, добавил фотографии.

— Помогите! Помогите, ребёнок тонет!

Отчаянный женский крик вернул меня в действительность. Я посмотрел в сторону берега. Там металась женщина, размахивая руками и одновременно показывая в мою сторону, только чуть правее. У берега по грудь в воде стояли трое мальчишек и тоже что-то кричали, показывая на то же место. Метрах в двадцати от берега мальчишка лет десяти отчаянно барахтался, но чувствовалось, что силёнок у него осталось немного.

Я отчаянно принялся загребать руками, пытаюсь успеть, пока пацан не скроется под водой. Краем глаза заметил, что от спасательной станции с другой стороны пляжа отчаливает катер, а к воде бежали ещё двое мужчин. Но я должен подплыть к тонущему быстрее.

Да твою же мать! Мне оставалось десятка два гребков, когда парень, пуская пузыри, скрылся под водой. Если там сильное подводное течение, то его может сразу унести в сторону. Я прибавил из последних сил и, добравшись до места, где видел мальчишку в последний раз, нырнул.

Ну и муть, ничего не видать. Да и солнце уже не такое яркое, как днём, поэтому на глубине в пару метров не было видно практически ни зги. Я принялся шарить вокруг себя руками. Да где же ты, горе-пловец... Чувствуя, что воздух заканчивается, всплыл на поверхность, продышался, сделал глубокий вдох и снова ушёл под воду. На этот раз постарался опуститься как можно глубже. Сейчас бы фонарь и маску, да где ж их взять-то...

И вдруг я почувствовал лёгкое прикосновение к ноге. Развернулся в толще воды, протянул руку и нащупал явно чьё-то плечо. Ха, чьё-то... Не чьё-то, а того пацана, больше тут и быть некому. Стараясь не терять контакт, другой рукой схватил его за волосы, подтянул и принялся выгребать наверх. Воздух был на исходе, когда наконец я вспорол головой плёнку воды и судорожно вздохнул.

— Вот он, — словно сквозь туман послышался чей-то голос.

— Он нашёл его!

— Давай сюда парня.

Последняя фраза принадлежала немолодому спасателю в тельняшке, перегнувшись через борт катера. Я с радостью избавился от ноши и сам уцепился за борт, мои мышцы ныли так, будто я пару часов пахал в тренажёрном зале. В последнее время из-за поездок то в Узбекистан, то в Москву не так часто удавалось совершать утренние пробежки и заниматься с гантелями, вот мышцы и расслабились.

Спасатель принялся откачивать мальчишку, и через минуту тот отпрыгнул воду и задышал. Только после этого я отцепился от борта катера и медленно поплыл к берегу, где меня ждала взволнованная супруга. Она, не скрывая слёз, молча прижалась к моему мокрому телу. А сзади неё на покрывале сидел Данька и с наслаждением, весь в слюнях, грыз баранку.

Всё же судьба мальчонки нас волновала, и мы, чтобы окончательно успокоиться, дошли до спасательной станции. Здесь уже стояла машина скорой помощи, возле пациента хлопотали врачи и медсестра, но парень вроде чувствовал себя неплохо, хотя и выглядел бледновато.

— О, хорошо, что подошли! — оживился при нашем появлении спасатель. — У нас ведь журнал происшествий ведётся, давайте я впишу ваши данные, поскольку вы приняли непосредственное участие в спасении ребёнка.

Да бога ради, мне не жалко! Я продиктовал имя, фамилию, домашний адрес и телефон, после чего мы с Валею со спокойной душой отправились домой.

Во вторник утром мы были в Москве, а спустя ещё несколько часов сошли с электрички на станции Переделкино. Всю дорогу Данька мирно посапывал на руках матери, зато, как высадились в Переделкино, сразу зугугукал, требуя резиновое кольцо для своих прорезывающихся зубов. До нашей дачи мы добрались минут за десять, и я с удивлением обнаружил у забора две чёрные «Волги». У передней, прислонившись к капоту, курил сигарету мужчина южной внешности. Увидев нас, тут же затоптал окурок и, приветливо раскинув руки, двинулся навстречу:

— Сергей Андреевич, а мы вас тут второй день караулим! — Видя моё недоумение, пояснил: — Меня зовут Ильхам Каримович, я работаю в представительстве Узбекистана в Москве. По поручению нашего дорогого Шарафа Рашидовича Рашидова позвольте преподнести вам этот скромный подарок от узбекских хлопководов.

Он с торжественным видом показал на вторую «Волгу» и вручил мне ключи от машины. Ничего себе, вот этого я совсем не ожидал.

— Так ведь... Он уже дарил нам подарки, куда же ещё?!

— Э-э, дорогой Сергей Андреевич, вы подарили узбекскому народу такую замечательную песню, а он вам — вот такой скромный автомобиль. Антикоррозийное покрытие, гидроусилитель руля, интерьер из велюра, кондиционер, стереосистема «Panasonic»... Номера посмотрите, какие: 19–76 МОС. Нарочно не забудешь. Учтите, своим отказом вы обидите весь Узбекистан и Шарафа Рашидовича лично.

— Так ведь у меня и прав даже нет...

— Ну, водить-то умеете? Подзабыли немного? Ничего, пару раз прокатитесь, сразу вспомните, это как на велосипеде: если ездить научился — уже не разучишься! А насчёт прав не волнуйтесь, сделаем за один день. Завтра будете в Москве? Ну вот и замечательно, мы с вами съездим в ГАИ, там у нас есть, скажем так, свой человек, вам нужно будет только подпись поставить. Вот мой телефон, как только будете в столице — звоните. Кстати, бак полный, мы уже тут долили из канистры, — обаятельно улыбнулся Ильхам Каримович.

— Охренеть! — пробормотал я, провожая взглядом удаляющуюся «Волгу» с

сотрудником представительства УзССР в Москве.

Валя так и стояла с открытым ртом. Даже Данила, казалось, прислушивался к разговору, только сейчас гугукнув.

— Не отказываться же, правильно? — сказал я жене, виновато пожимая плечами. — Всё-таки хлопководы передали, обидел бы отказом.

— Да уж, хорошо зарабатывают узбекские хлопководы, — покачала головой Валя. — А что за песню он упоминал?

— А, так я ведь тебе не рассказывал! Нам после съёмок Рашидов торжественный банкет устроил в лучшем ташкентском ресторане, вот там я и спел «Учкудук». Так городок называется, в окрестностях которого проходили съёмки. Сочинил, пока в пустыне сидели. Сказал, что дарю её узбекскому народу. Видно, мои слова первому секретарю запали в душу... Ладно, машина потом, а сейчас пойдём в дом, я тебе покажу, что и как. Надеюсь, тебе понравится.

Дача и в самом деле Валентине пришлась по вкусу, хотя многое из обстановки было не первой молодости. Особенно её порадовало наличие телефона, правда, сам аппарат она предложила заменить на более современный. А по мне, так неплохой раритет, в будущем подобный агрегат был выставлен в экспозиции пензенского краеведческого музея. Санузел, удобная кухня, подключённые коммуникации — всё это вызвало у неё восторг. Понятно, не сравнишь с кондовыми пензенскими дачами, куда народ ездит копать картошку. Поскольку посёлок недавно газифицировали, то Давид Израилевич побеспокоился подключить и наш дом к общей ветке. Иначе при наступлении зимних холодов мне пришлось бы топить печку дровами. О газовой колонке для нагрева воды я позаботился заранее. А вот газовая плита осталась от прежних хозяев, которые пользовались газом в баллонах.

Ну и конечно же окружающая природа. Мол, для мальчишки свежий деревенский воздух будет в самый раз.

А я всё думал, как мне научиться управлять подаренным автомобилем. Когда-то в будущем пару раз мне давали прокатиться, один раз на «жигулях», второй — на стареньком «вольво». Так что в принципе я понимал, на что жать.

— Валюш, может, пока попробую поездить, благо здесь машин мало, а в дерево, надеюсь, не врежусь...

— Нетушки, сначала топай в магазин. Надо, кстати, холодильник купить. Зимой ещё можно продукты в авоське за форточку вывесить, а летом что делать?

Магазин в посёлке оказался вполне приличным. Поскольку холодильника на даче пока не имелось, закупил немного скоропортящейся еды, а в остальном затарился консервами.

Между тем Валя с карандашом в руках всю составляла список необходимого. Мебель её в принципе устраивала, но диван она решила купить новый. Холодильник, само собой, тоже стоял на очереди. Телевизор предложила привезти из Пензы, раз уж я теперь при машине и смогу загрузить его в багажник.

— Ты что, везти телевизор на «Волге» из Пензы в багажнике?! Представляешь, что от него останется? У нас дороги хоть и неплохие, но до тех же немецких им ещё далеко.

— А ты в ГДР что ли был?

— Читал в одном журнале, — отбрехался я. — Короче, съездим как-нибудь в город и купим новый, а то в старом уже ручка переключения каналов отваливается. И стиральную машинку надо присмотреть, не вручную же тебе стирать.

— Ты ещё про пищущую упоминал, забыл?

— Точно, и «Ятрань» какую-нибудь присмотрим. Надеюсь, денег на всё хватит.

Только после обеда я всё же дорвался до машины, оставив Валю хозяйничать в новом доме. В бардачке я обнаружил ПДД, подумав, что они весьма кстати. Нужно будет выучить экспресс-методом. Основные знаки, в принципе, я и так знал, типа «кирпича», запрещающего проезд, но понятно, что полнотой мои знания не отличались. Вот сегодняшний вечер и посвящу изучению этой книжки.

Что-то я всё же помнил из уроков вождения. Переведя рычаг КПП в нейтральное положение, выжал сцепление, вставил ключ в замок зажигания и повернул его. Двигатель ровно заурчал, я отжал сцепление и попытался тронуться на первой скорости. «Волга» фыркнула и заглохла. Пришлось трижды повторять попытку, прежде чем машина поехала. Дальше третьей скорости я переключаться не рискнул. Следя, чтобы стрелка на спидометре не заползала за отметку «40», доехал до поворота дороги, кое-как развернулся и вскоре снова остановился у дачи, теперь уже носом в другую сторону.

Фух, нужно окошки открыть, что-то жарко стало. Хотя вроде кондишн имеется, ну-ка, где у этого парня кнопка... Ага, нашёл! Гляди-ка, как приятно обдувает. Включил стереосистему, нашёл какую-то радиостанцию. Теперь придётся ещё и кассеты покупать с музыкой.

Я несколько раз аккуратно проехал вокруг посёлка, и раз чуть не слетел в кювет, перепутав педали газа и тормоза. После этого решил продолжить занятия завтра, припарковался у дачи и, покидая «Волгу», нос к носу столкнулся с Окуджавой.

Его я узнал сразу — сколько в будущем видел фотографий барда и видеозаписей, в основном благодаря Интернету!

— А вы, значит, наш новый сосед? — спросил Булат Шалвович, глядя на меня с лёгким прищуром. — Мне о вас уже рассказывал Давид Израилевич.

— Выходит, так, — скромно улыбнулся я. — А вы — Булат Окуджава, верно?

— А что, похож? — Теперь в уголках его глаз затаился смех, хотя внешне бард оставался серьёзным.

— Ещё как похож! Кстати, вам Высоцкий привет передавал, когда узнал, что я теперь живу с вами по соседству.

— Володя? Талантливый актёр. Увидите его — тоже привет передавайте.

— Конечно, Булат Шалвович. Он хотел к нам на новоселье приехать, надеюсь, скоро мы сможем его отметить. Ну и вас позвольте пригласить, по-соседски, так сказать.

— Отчего же нет, зайду, только предупредите заранее.

В Пензу мы решили ехать послезавтра. Выпишусь из городской квартиры, затем вернёмся сюда, захватив наиболее ценные и нужные вещи, которые влезут в багажник автомобиля. Ну а что, раз уж я теперь заделался автолюбителем, объездил все окрестности, да и права, если ничего не случится, завтра мне выдадут — почему бы не смотаться туда-обратно на «Волге»?! Не так комфортно, как на поезде, зато быстрее. Да и, опять же, вещи не в руках тащить на вокзал, что там в руках унесёшь-то? Мелочь, а тут можно прихватить кое-что посущественнее. Да и Валя после некоторого раздумья согласилась с моими доводами, хотя и поворчала, что я без большой практики собрался за рулём в такую даль.

С правами Ильхам Каримович всё устроил по высшему разряду, мне и в самом деле оставалось только поставить свою подпись. На прощание сказал, что техобслуживание машины можно проводить в гараже представительства и чтобы я в случае чего не стеснялся. Мол, другу узбекского народа они всегда готовы оказать посильную помощь. Затем я

отправился в редакцию «Юности», где Полевой ждал меня с новостями.

— В общем, ситуация такая... Федин в составе группы писателей на следующей неделе выезжает в Брест, там у них будут проходить памятные мероприятия. Принимающую сторону возглавляет сам Машеров. Я обрисовал ситуацию Федину, и он предложил включить вас в состав творческой делегации. Наверняка можно будет улучшить пару минут и пообщаться с Петром Мироновичем наедине. Вся поездка займёт несколько дней, проезд и питание за счёт Союза писателей. Ну как, согласны?

— Конечно, разве можно упускать такую возможность?!

— Тогда я звоню Константину Александровичу и говорю, чтобы он внёс вас в список.

Уже задним числом я подумал, что могу понадобиться Тарковскому: ещё не все сцены с моим участием были отсняты, да и вообще хотелось проконтролировать съёмочный процесс. А меня не будет в Москве чуть ли не неделю. К слову, в ближайшую субботу съёмки будут проходить на борту армейского Ил-76. Даже сам Клушанцев планировал пробраться на борт самолёта и посмотреть, как актёры, наряженные космонавтами, парят в невесомости. Ну а что, до отъезда в Брест время ещё остаётся, а из Пензы мы вернёмся, вполне вероятно, до выходных. Так что можно и мне наведаться на аэродром в Жуковском.

Путешествие в родной город прошло без эксцессов, науськанный женой, я вёл машину крайне аккуратно. Не успели мы переступить порог квартиры, как дверь напротив распахнулась и показалась соседка:

— А к вам тут милиция приходила.

— С какой такой радости?

— Не знаю, вот, оставили телефон, сказали, чтобы, как объявитесь, сразу позвонили.

Я пожал плечами, взял бумажку с номером и пошёл звонить. Выяснилось, что повод был весьма приятный. Меня искали, чтобы вручить ценный подарок. Просили найти время и появиться в Первомайском РОВД, к которому относился наш микрорайон. Я сказал, что смогу, пожалуй, подъехать минут через тридцать, тем более я был на собственном транспорте.

— Хорошо, только не опаздывайте. Потому что мы также пригласим представителя спасательной службы, который и вручит вам награду, а также корреспондента из газеты.

Мне вручили от ОСВОД часы в золотом корпусе с гравировкой и заверили, что готовится представление на медаль «За спасение утопающих».

В общем, я пережил ещё один приятный момент в своей жизни, правда потеряв при этом больше часа драгоценного времени. Заодно позвонил в приёмную Мясникова, узнать, как продвигаются дела с книгой «Тайны пензенских подземелий». Оказалось, продвигаются неплохо, материалы уже отправлены в «Приволжское книжное издательство».

Наконец мы добрались до ЖКО, где я выписался из квартиры, а потом стали загружать в машину необходимые, по мнению супруги, вещи, которые упорно не желали втискиваться в казалась бы большой багажник. В том числе детская кроватка, даже в разобранном виде.

— А гитару-то зачем берёшь?

— На-а-а-до, — ответил я Вале голосом Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи».

Прежде чем отправиться в обратный путь, я успел сделать ещё одно важное дело. А именно — залезть в тот самый подвал на Московской и забрать припрятанные там мой российский паспорт и сотовый телефон. Что-то мне подсказывало, что в скором будущем эти вещи смогут пригодиться. Причём дверь я взламывал внаглую ломом, на глазах у офигевших

старушек, после чего с телефоном и паспортом сделал ноги, ещё до прибытия милиционера.

Обратно до Переделкино также добрались без происшествий, если не считать замену пробитого колеса — напороться на гвоздь я умудрился, подъезжая к Рязани. Запаска имелась, но вот с домкратом я был знаком весьма отдалённо. Хорошо, выручил дальнбойщик, увидевший мои мучения и притормозивший оказать помощь.

За время поездки Валя немного рассопливилась, не иначе, где-то продуло, хотя по её требованию окна были закрыты — ребёнок всё-таки на руках. Может, от кондиционера надуло? Любопытно, что за всё время моего пребывания в этом времени я ни разу ничем не болел. А как-то, сильно порезав палец, на следующий день не обнаружил на месте пореза даже шрама. Жена тоже была в шоке. Похоже, неведомые благодетели всерьёз озаботились моим здоровьем, восстановив не только зубы и зрение. Может, мне и пули нипочём? Однако проверять эту теорию на практике у меня пока не было никакого желания.

На календаре была пятница, завтра я запланировал поездку со съёмочной группой в Жуковский, о чём оповестил по телефону и режиссёра фильма. А сегодня к нам нагрянула Ленка, вернувшаяся с очередных раскопок.

— Ну вы даёте, товарищи родители, прямо-таки по-царски устроились! Буржуи! — воскликнула девица, оглядывая наши хоромы.

— А ты где сама-то была, чего раскопала, давай рассказывай, — потребовали мы от Ленки.

— В Крым же с курсом ездили, я вам писала перед отъездом. Раскапывали скифские курганы. В одном захоронении обнаружили золотые украшения, об этом даже в местной газете написали. Передали все находки в краеведческий музей.

Мы расположились на кухне, а Даньку уложили спать в ту самую кроватку, которую мы с таким трудом втискивали в багажник подаренной хлопководами «Волги». Теперь неспешно вели беседу под чай с вишнёвым вареньем. Валя настояла, чтобы несколько банок мы всё же захватили в Переделкино.

От разговора нас отвлёл телефонный звонок. Звонили из Союза писателей, какой-то Пётр Вислый.

— Сергей Андреевич, а мы вам в Пензу названиваем, а вы уже, оказывается, в Переделкино живёте, — с лёгкой, как показалось, обидой сказал голос на том конце провода. — Хорошо, Борис Николаевич ваш новый номер подсказал. У меня для вас сразу две хорошие новости.

— Ну, если сразу две, тогда радуйте, — ответил я, косясь на приоткрытую дверь в кухню.

— Так вот, вы включены в состав официальной делегации, отправляющейся в Брест. Там, вероятно, вам придётся выступить с речью, посвящённой вашей книге «Знак беды». Несколько экземпляров мы возьмём с собой. Говорят, повесть Машеров прочитал с удовольствием, вспомнил войну. Выезд намечен в следующий вторник, автобус отъезжает от Дома литераторов в восемь утра, так что не забудьте. Обратно вернётесь через четыре дня.

— Это замечательно, а вторая какая новость?

— А вторая — ваш роман «Марсианин» переведён на английский язык, и его собираются печатать в Америке. С нами уже связывались представители издателя, они хотят с вами заключить договор, только всё это будет проведено через Союз писателей, так уж заведено, сами понимаете... Подъезжайте завтра с утра в секретариат, адрес вы знаете. Гонорар в валюте, само собой, получить не сможете, её переведут в рубли по курсу. Для этого

завтра в Союзе зайдёте в бухгалтерию и напишете заявление, что согласны получать гонорар в рублях.

Что ж, раз нельзя в валюте, на которую, впрочем, в СССР практически ничего нельзя было приобрести — разве что по каким-то там чекам в «Берёзке», — будем брать «деревянными». Всё-таки пока никаких загранкомандировок я не планировал.

Новость, которой я поделился с родными, вызвала у них сдержанный восторг. Хотя нет, это Валя за меня скромно порадовалась. Она-то уже привыкла к тому, что рядом с ней такая величина, то и дело то книги издающая, то песни сочиняющая, а теперь ещё и в кино засветившаяся. А Ленка выдохнула: «Ух ты, круто!» — и предложила поднять за это дело тост. Наливочка у нас имелась, так что её пожелание мы выполнили, хотя Валя лишь пригубила, объяснив этот тем, что пока она ещё кормит ребёнка грудью.

— И долго ты будешь ещё кормить? — поинтересовалась Ленка.

— Месяц, максимум два, потом можно на каши и пюре переходить. Кстати, ты как, замуж не собираешься?

— Есть у меня парень, мы с ним с первого курса дружим, он из нашей группы. Но робкий какой-то, пока только целовались.

— Нормально!.. А ты что, сразу в постель его, что ли, собралась затащить?

— Нет, мам, а чего ты кипятишься? Сама-то меня во сколько родила?

— Девочки, заканчивайте ругаться, — прервал я диалог на повышенных тонах, — давайте лучше обговорим, когда будем новоселье справлять. Так как нужно будет созвониться с Высоцким, а то вдруг он в этот день не сможет, и Окуджава, опять же, обещал зайти, его тоже заранее нужно предупредить.

Следующий час был посвящён обсуждению празднования новоселья, а потом вдруг падчерица обнаружила, что электричка в Москву отходит через четверть часа, и ей уже сломя голову нужно бежать на станцию.

— А у тебя какие-то дела в Москве? — поинтересовалась Валя.

— Вроде нет...

— Так и нечего дёргаться. Переночуешь у нас, есть же свободная комната.

После недолгого раздумья Ленка согласилась провести ночь на даче. И я сам уже отправился спать, как-никак мне предстоял ранний подъём, в семь утра я планировал на «Волге» выехать в Жуковский.

Я держал в руках свежий номер «Правды», и душа моя ликовала. Всё-таки мои письма, во всяком случае в ГРУ, сработали. Я ещё раз пробежал глазами заметку под кричащим заголовком: «Предатели получили по заслугам!», в которой описывался судебный процесс над Александром Огородником и Дмитрием Поляковым. Оба были приговорены к высшей мере наказания. И мне их отнюдь не жалко. Единственное, о чём я действительно жалел, — это о том, что в будущем смертную казнь заменят пожизненным сроком. Подобная нечисть не должна дышать с порядочными людьми одним воздухом. И если что-то от меня в этом плане будет зависеть, я приложу все силы, чтобы смертную казнь никакие либералы не отменили.

А что там Щёлоков с моими маньяками? Может, заметка уже проскакивала, просто я её пропустил, поскольку газеты читаю от случая к случаю? Хотелось верить, что мои письма привели в действие механизм неотвратимости наказания.

Наутро после звонка из Союза писателей я проделал всё в точности по инструкции. Приехал в секретариат, прочитал условия договора с американским издательством «Faber & Faber» и порадовался за себя. Всё-таки три тысячи долларов аванса, затем пятнадцать тысяч по выходу книги да ещё и проценты с дополнительных тиражей, которые, хотелось верить, последуют... Всё это, пусть и по курсу семьдесят пять копеек за доллар, не могло не радовать. Тут же зашёл в бухгалтерию и написал заявление, чтобы отныне инвалютные поступления на мой счёт переводили в рубли. Поинтересовался у главбуха, когда можно получить аванс.

— Вы же договор только что подписали? За недельку, думаю, всё утрясётся, и деньги придут. Вам позвонят, не волнуйтесь.

А во вторник я ни свет ни заря, расцелованный Валентиной, сел в электричку и отправился в Москву. В сумке, помимо гигиенических принадлежностей и запасных трусов с носками, лежали «ридер», мобильник и российский паспорт. Ну и портмоне с российскими рублями захватил. Мало ли, вдруг Машеров не согласится сотрудничать и мне придётся доказывать, что я из будущего, с помощью вещдоков. Дензнаки тоже сыграют свою роль. Но это совсем уж крайний вариант. Я всё же рассчитывал, что мы договоримся встретиться в следующий раз в более, скажем так, приватной обстановке, где я без свидетелей докажу, что явился из 2015-го спасти страну от развала.

В половине восьмого я был у Дома литераторов, здесь уже толпилось с десятков представителей писательского цеха. Меня многие узнали, я же признал только Владимира Солоухина, чей брутальный портрет как-то видел на титульном листе книги «Приговор». Кстати, в этой реальности написанной в прошлом году.

Чуть позже на белой «Волге» подвезли Федина, который сверил присутствующих со списком. Не хватало только вечно, как мне объяснили, опаздывающего поэта Марка Кабакова. Но и он появился, когда уже началась посадка в «Икарус» с надписью «Интурист» на боку.

Одиннадцать часов пути — и мы въехали в город-герой Минск. От Минска до Бреста было ещё около пяти часов на автобусе, но наше руководство решило, что ночь мы проведём в столичной гостинице. А рано утром отправились в Брест, теперь уже в сопровождении милицейского кортежа числом в один автомобиль «жигули». Ничего, что скромно, зато

дорогу нам уступали, и до пограничного города мы добрались, можно сказать, с ветерком, уложившись в четыре часа.

Естественно, нас сразу повели смотреть знаменитую крепость, первой принявшую на себя удар 45-й дивизии вермахта. Сейчас крепость была превращена в музей, и я, не экономя, тратил фотоплёнку, то и дело щёлкая затвором «практики».

Когда мы вышли из крепости, оказалось, что подъехал Пётр Машеров. В обычном скромном костюме, без всяких наград и звёзд героя, даже без орденских планок. Подошёл, обнялся с Фединым, пожал всем руки. Сухая, крепкая ладонь, почему-то сразу возникло ощущение, что с тобой здороваётся уверенный в себе человек. И он отнюдь не был похож на ту развалину, которую уже начинает представлять собой генеральный секретарь. Так что понятно, в чью пользу сравнение.

— Это, Пётр Миронович, тот самый Губернский, написавший повесть «Знак беды», — представил меня Федин.

— Читал, очень понравилось. Спасибо за книгу, словно на тридцать с лишним лет назад вернулся, когда читал, так живо и сильно написано.

— У Сергея Андреевича к вам одно дело есть, он вам сам потом расскажет, если у вас найдётся пара свободных минут.

— Для такого хорошего писателя, конечно, найдётся, — сказал Машеров. — Только после мероприятия, а то вон уже школьники с ветеранами подъезжают.

Пообщаться с первым секретарем ЦК компартии Белорусской ССР удалось через два часа, в течение которых писатели и поэты выступали перед собравшимися, а мне пришлось рассказать об истории создания повести «Знак беды». Хорошо, что я этот момент продумал заранее, не нужно было заниматься экспромтом, выкручиваясь из ситуации.

Разговор с Машеровым я тоже продумал вроде бы до мелочей, не исключая, впрочем, варианта, когда Пётр Миронович откажется от идеи мемуаров наотрез. Но попробовал подать под тем соусом, что это не какое-то восхваление лидера Белоруссии, а бесценные воспоминания, которые не должны кануть в Лету, обязаны служить воспитанию подрастающего поколения на примере их отцов и дедов.

— Мысль, пожалуй, верная... — задумчиво протянул Машеров. — Подрастающему поколению нужны положительные примеры. Другой вопрос: как на всё это найти время?..

Неужто клюнул?! Только бы не сорвался с крючка, ведь ставки были очень, очень высокими! На кону стояло будущее страны.

— Не обязательно сидеть часами в загородной резиденции и надиктовывать воспоминания на магнитофон, — сказал я, пожалуй, даже слишком торопливо и тут же постарался вернуть голосу солидность. — Нет, магнитофон, конечно, дело нужное, с его помощью можно сэкономить время. Но я вполне могу сопровождать вас в поездках, к примеру, сядем в машине сзади, и так же будете надиктовывать, пока едем. Я так думаю, что и на обложке желательнее вписать вашу фамилию.

— Не слишком вызывающе, ещё и фамилию?

— Как раз в тему, Пётр Миронович. Книга сразу привлечёт внимание, чем если бы красовалась фамилия малоизвестного автора вроде меня.

— Не такой уж вы и малоизвестный, я успел ознакомиться с вашей биографией после того, как прочитал повесть. Пишете прозу и стихи, песни сочиняете, археологией увлекаетесь... Я даже звонил Георгу Васильевичу, он вас очень хвалил! Знаете что, у меня законный отпуск в августе, месяц, конечно, я не протяну, слишком жирно будет, но дней

десять проведу в санатории «Летцы» в Витебской области... М-да, Витебск, надо же такому случиться, — удручённо покачал головой Машеров.

— А что там такое?

— Да душегуба одного поймали, столько людей загубил... Носит же земля таких! Я не я буду, если к нему не применят высшую меру... Ладно, не будем о плохом. В общем, приедете в санаторий, я попрошу и на вас путёвку оформить, приезжайте с магнитофоном, во всеоружии. Будем совмещать приятное с полезным. Кстати, там отличные минеральные ванны, так что и подлечиться можно.

О да!!! Сразу два отличных известия. Уговорил Машерова, а ещё узнал, что Михасевича, похоже, всё-таки поймали. И по этой части сработало!

Договорились держать связь через помощника Машерова, что мне живо напомнило историю с Рашидовым.

Этим же вечером мы выехали в Минск, там переночевали, а наутро отправились в Москву. Домой я вёз кое-какие белорусские сувениры. В частности, две вышиванки — рубаху на себя и что-то типа короткого сарафана жене, а также деревянную пивную кружку ручной работы. Ну и памятный знак с изображением Брестской крепости, куда же без него.

Приятно, что вышиванка пришлась Вале впору, свою-то я ещё там примерил, при покупке. Она с удовольствием крутилась перед зеркалом.

— Ну как? — спрашивала она, поворачиваясь ко мне то одним боком, то другим.

— Лучше всех! — совершенно искренне отвечал я, пытаюсь обнять Валюшку и поцеловать.

Некоторое время она успешно уворачивалась, но в итоге я всё же взял верх, и мы оказались в широкой супружеской постели.

Тем же вечером я позвонил Высоцкому. Мы договорились, что в ближайшее воскресенье — редкий день, когда у него не было ни спектаклей, ни съёмок, ни концертов, — он приедет с Мариной к нам на новоселье. Я продиктовал адрес нашей дачи.

После звонка Володе я дошёл до дачи Окуджавы, дверь открыла домработница. Оказалось, что Булат Шалвович сегодня выступает для студентов и ректората Ярославского медицинского института. Но к воскресенью должен вернуться в Переделкино, и моё приглашение на новоселье домработница обещала передать. Проконтролировать её, что ли, зайти в субботу вечером к Окуджаве... А то мало ли...

Подумал, кого ещё позвать... Итак, Ленка приедет, само собой, вероятно, со своим парнем, которого пока хватает, как она говорит, только на поцелуи. Дальше — Высоцкий с Мариной, ещё Окуджава, возможно, с супругой Ольгой Владимировной. Давида Израилевича надобно позвать, человек нужный, чай, запомнит этот момент, добром, если что, оплатит. Кстати, он всё на шкаф зарился, а Валя от него собралась избавляться... Пока нас набирается с десятков, может, и достаточно?

А-а, блин, о съёмочной группе я и забыл! Завтра буду на «Мосфильме», надо бы пригласить Тарковского, Янковского, Ульянова... Николсон вчера улетел в Штаты, все сцены с его участием отсняты. Ну, ничего страшного, обойдёмся без Джека. Да и из этих, возможно, кто-то не придёт, хотя в воскресенье Тарковский и объявил выходной.

На следующий день я этот вопрос прояснил. Из вышеперечисленной троицы согласился прийти только Янковский. Ульянов сослался на неважное самочувствие и проблемы с сердцем. Мол, пить и курить ему запретили врачи, а сидеть и молча завидовать он не хочет. Поэтому Михаил Александрович просто поздравил с новосельем и после окончания съёмок

вручил мне бутылку армянского коньяка, которая каким-то чудесным образом завалилась у него в гримёрке. Тарковский придумал аналогичную отмазку, но коньяк от себя обещал вручить в следующий раз, потому как у него ничего лишнего завалиться в принципе не может. Признаться, отказ Андрея Арсеньевича я воспринял с облегчением. Сложный он человек, при нём толком и не повеселишься, всё время чувствуешь на себе его пристальный взгляд.

В тот же день по настоянию жены мы всем семейством отправились выбирать люстру в залу. То, что висело там под потолком сейчас, годилось разве что в музей, с чем я также вынужден был согласиться. В отделе электротехнических товаров ЦУМа Вале приглянулась хрустальная люстра ценой около полутора тысяч и размером, больше подходящим для Дома культуры, чем для нашей дачи. Мои доводы всё же возымели действие, и мы приобрели светильник поскромнее и в два раза дешевле, но тоже с хрустальными подвесками. Эх, не получилось уболтать жену взять что-нибудь в стиле hi-tech, пришлось потворствовать её мелкобуржуазным желанием.

Тем временем работа над фильмом близилась к завершению. Моё присутствие на площадке в принципе не требовалось, сцены с моим участием были уже отсняты. Помимо той, где я с парой предложений отдаю начальнику ЦУПа папку, засветился ещё несколько раз, но уже в роли безмолвного массовика-затейника.

Между прочим я поинтересовался у режиссёра, как обстоит дело с музыкальным сопровождением. Над ним работал Эдуард Артемьев, с которым Тарковский делал «Солярис». Мне разрешили послушать у звукорежиссёра на магнитофоне готовую запись музыкальной темы. Ничего так, прилично, хотя и как-то депрессивно. О чём я и сказал Тарковскому.

— Это тема из первой части фильма, а к финалу Эдик пока сочиняет. Обещает нечто жизнеутверждающее.

Логично, всё же ведь заканчивается хэппи-эндом. Кстати, по сюжету, который я старался не слишком переделывать, на марсианской станции Виктор Огнев обнаруживает забытые товарищами музыкальные записи, которые гоняет до посинения, потому что альтернативы попросту нет. В сценарии я написал, что фонотека состояла из песен «Беловежская пуца», «Чёрный кот», «Звёздочка моя ясная», пара треков из Битлов, ну и вписал, не удержался, песню «Трава у дома». Все эти вещи Тарковский сохранил, даже битловские песни, на что я особо и не рассчитывал.

Вернувшись с «Мосфильма» в Переделкино, обнаружил Валентину, выгуливающую Даньку во дворе. Мелькнула мысль, что надо бы оборудовать нечто вроде детской площадки. Сейчас время терпит, но годика через два-три, когда Данила подрастёт, горка и качельки не помешали бы.

— Там тебе Чарский обзвонился, дело у него какое-то срочное.

— Понял, спасибо... Кстати, завтра едем покупать холодильник. В воскресенье у нас гости, надо закупить еды, а хранить её негде.

— А я сразу тебе сказала, что холодильник нужен, ещё до поездки в Белоруссию мог бы подсуетиться. Только без очереди где ты купишь? Хоть и Москва, а всё равно, наверное, очередь отстоять придётся, так что к новоселью вряд ли холодильник купим.

— Прямо уж не купим?

— Попробуй, но я далеко не уверена... Ужин на плите, сам положи себе! — крикнула она мне вдогонку.

Несмотря на доносившийся с кухни обалденный аромат, я всё же сперва набрал Чарского.

— Алё, Анатолий Авдеевич, здравствуйте, это Губернский. Вы меня искали?

— Да-да, Сергей Андреевич, искал... Тут такое дело: Ингу пригласили выступить через две недели на сборном концерте для ветеранов войны. Мы с ней удивились — с чего бы вдруг, вроде у нас репертуар не патриотический. А потом я пробил по своим каналам, выяснилось, что её кандидатуру утвердил сам председатель Государственного комитета по радио и телевидению при Совете министров СССР Сергей Георгиевич Лапин. Не знаю, может, влюбился он в неё, но, опять же, с чем выступать?

— То есть я должен срочно что-то сочинить?

— Сергей Андреевич, дорогой, вы же знаете, что моя благодарность не будет иметь границ.

— Хм, ладно, Анатолий Авдеевич, что-нибудь придумаем.

— Только, умоляю, не затягивайте, ещё ведь репетировать нужно.

— Понял вас, понял, постараюсь не тянуть. Счастливо. Инге привет!

Положив трубку, отправился на кухню. Так, салат из свежих овощей, а в кастрюле, накрытой полотенцем, — пюре и котлеты. Вот котлетки-то и пахли так, что слюнки невольно текли.

Ужиная, я обдумывал, чем бы можно порадовать ветеранов. Предложить песню «Комбат» из репертуара «Любэ»? Это для каких-нибудь «Голубых беретов» стодится, но никак не для Инги.

Поев, я вышел к своим во двор подышать свежим воздухом, поблагодарил супругу за прекрасный ужин.

— Да не за что... Чего такой озабоченный? Чарский?

— Ага, просил срочно песню сочинить для дочери. Ей выступать через две недели на концерте для ветеранов.

— И как, сочинишь?

— Да вот думаю... Пойду-ка возьму гитару, появилась у меня одна мыслишка.

Мысль и впрямь появилась. Если уж мы удивили всех треком «Искала», то почему бы ещё раз не рискнуть? Я взял ручку, лист бумаги и принялся накидывать текст песни «Кукушка». Её-то я тоже бацал под гитару по молодости, пытаюсь подражать голосу Цоя. Но, честно говоря, кавер-версия, исполненная, к примеру, Полиной Гагариной к фильму «Битва за Севастополь», мне понравилась больше. Ну а вариант моей обожаемой Ольги Кормухиной — вообще улёт! Может, и Инга потянет? Правда, скорее она споёт под Гагарину, чем сможет прохрипеть по-кормухински.

Кто пойдёт по следу одинокому?

Сильные да смелые головы сложили в поле в бою...

Такие строчки в тему. А вот следующая: «Мало кто остался в светлой памяти...» — может вызвать непонимание. А если подправить на «Каждый остался в светлой памяти»? Чё-то фигня какая-то, лучше не портить оригинал. В смысле текст, а исполнением, надеюсь, мы уж точно не испортим.

Что тут у нас ещё вызывает сомнения?... «Голову да плечи терпеливые под плеть». Блин,

да тут весь текст вызывает сомнения. Не пропустит худсовет, там же наверняка будет прогон перед концертом.

Что же делать? Мой взгляд упал на шкаф, в котором лежала моя сумка с «ридером», мобильником и наушниками. Может, в телефоне что-то найдётся? Я уже толком и не помнил, что в него накачал, не исключено, что попадётся что-то стоящее. Тем более Валя вроде пока с Данькой домой не собираются, есть время проверить.

В этот момент снова раздался звонок. Кто там опять?.. Оказалось, Слободкин.

— Сергей, привет! Что-то совсем ты нас забыл.

— Да дела, кручусь как белка в колесе. Тут ещё переезд, вот только обустроиваемся в Переделкино... А как ты меня нашёл, я же вроде с тобой ещё не созванивался?

— Так ведь Анатолий Авдеевич — наш общий друг!

— А, ну да, что-то совсем туго соображать начал.

— Так я что звоню-то! Нас тут на сборный концерт пригласили...

— Выступить перед ветеранами, — закончил я за него.

— А ты откуда знаешь?

— Только что Чарский звонил, его Ингу тоже позвали выступить на этом концерте через две недели. И он просил написать им песню.

— Вот же гадство, — разочарованно пробормотал на том конце провода Слободкин. — Значит, мы пролетаем?

— Не хнычь, мой юный друг, есть у меня для вас пара вариантов. Если хочешь, могу завтра заскочить к тебе на студию часиков в девять утра, потом мне ещё к Чарским нужно будет ехать.

— Здорово, а я уж было расстроился. Давай тогда на девять и договоримся.

Вот ведь, прямо как сговорились. Надеюсь, больше ни от кого звонков не последует? Хотя вроде сотрудничаю только с «Весёлыми ребятами» и Ингой. Разве что Алка по старой памяти решит напрячь. А что, её тоже вполне могли пригласить на такой концерт, раз уж Чарскую позвали.

Почему я сразу заявил Слободкину о «паре вариантов»? Потому что давно думал, что у «Любэ» есть в репертуаре лирико-патриотические вещи, подходящие и для этого времени. Те же «Ты неси меня, река» или «Берёзы», которые я и собирался завтра предложить «Весёлым ребятам».

А вот вопрос с Ингой оставался в подвешенном состоянии. Я включил телефон, мельком глянул на шкалу зарядки. Ну, послушать вполне хватит. Так, теперь в меню... Год, считай, в него не заглядывал, уже и подзабыл, где тут что... Так, вот! Битлы пролетают, и остальные «западники» тоже, тем более хард-рок. Эх, а здорово было бы выпустить в тех же Штатах альбом под названием, скажем, «Get a Grip». Он в моём телефоне был закачан в полном объёме, все четырнадцать песен, включая мои любимые «Livin' on the Edge», «Cryin'» и «Crazy». Да, «Aerosmith» — это вещь! Как и «ZZ Top». Люблю жёсткий блюз.

Но, к сожалению, сейчас их творчество никуда не приткнёшь. Чай, не в Америку занесло, там бы я мигом развернулся.

Ну вот и до русскоязычных добрались. Классика русского рока, лучшие образцы. Это не то, снова мимо, снова... А как тут Орбакайте затесалась с песней «Тучи в голубом»? А, блин, жена же ещё просила её скачать композицию из сериала «Московская сага» и скинуть по Bluetooth. Её же аппарат не был подключён к Инету. Скинул, а удалить забыл, сколько протаскал в телефоне. А ведь песня-то, насколько помню, о войне. Ну-ка, ну-ка...

Снова весь фронт раскалён от огня,
Лупят зенитки три ночи, три дня.
А в гимнастёрке на снимке
Ты обнимаешь меня...

Я прослушал песню до конца, внутренне ликуя. Спасибо тебе, Господи, что надоумил бывшую в своё время упросить скачать эту вещь! Надеюсь, это не перепев, не ремейк какой-то старой забытой вещи, а то получится скандал.

Теперь срочно переписать текст, пока не пришла жена, и подобрать аккорды, которые, к моей радости, оказались на удивление несложными. Единственное — намучился с гитарой, которую по ходу пришлось несколько раз настраивать, подтягивая то одну струну, то другую. Ноты я записывал уже, когда Валя с Данькой вернулись домой. Увидев, что я работаю, супруга не стала меня тревожить просьбой искупать сына, занялась этим сама. А я заодно переложил на ноты обе песни из репертуара «Любэ».

Ну что ж, если со Слободкиным мы уже договорились о встрече, то Чарскому нужно ещё раз позвонить. То-то он удивится моей скорострельности! Итак, завтра едем за холодильником, но сначала заскочим на студию к Павлу и домой к антиквару. Или, может, не стоит Валю таскать с ребёнком, один со всем управлюсь? Ладно, решим сейчас на семейном совете.

— Аккуратнее, косяк не обдерите! Да говорю же, аккуратнее, налакались, что ли, уже с утра?!

— Не шуми, хозяйка, всё пучком будет, работают профессионалы.

— Я и смотрю, профессионалы...

Валя активно руководила действиями грузчиков, которые затаскивали в дверной проём финский холодильник «Rosenlew».

А я думал, что меня такая советская действительность устраивает не в полной мере. Ладно, я со своими связями всё-таки выбил себе по-быстрому холодильник — пришлось делать звонок Чарскому, пообещав при этом следующую песню для Инги написать бесплатно. А вот простые советские люди месяцами, а то и годами стоят в очереди, чтобы стать обладателями холодильника! Конечно, в будущем минусов выше крыши, но об очередях за бытовой и прочей техникой никто и слыхом не слыхивал. Так что для меня даже на втором году жизни в СССР подобные реалии всё ещё оставались дикостью.

День начался с поездки к Слободкину. Тот собрал всех своих музыкантов, включая Долину, хотя я сомневался, что из этих двух песен что-то для неё подойдёт, всё ж таки композиции рассчитаны на мужской вокал. С другой стороны, та же «Кукушка» как звучала в исполнении Гагариной и особенно Кормухиной! Ладно, это они сами разберутся.

«Ты носи меня, река» и «Берёзы» были приняты «на ура». — Вот, самое то! — потирал ладони Слободкин. — Нас вроде не ограничивают исполнением одной песни, мы тогда обе и споём, да ребята?

Музыканты дружно выразили одобрение. Им и самим такие мелодичные вещи пришлось по вкусу. Извини, Коля Расторгуев, придётся, если что, тебе другие хиты сочинять. Или кто там у него, Матвиенко рулит? Не важно, этих песен им уже не видать как своих ушей.

— Договор сразу заключим? — поинтересовался худрук коллектива.

— Извини, время поджимает, мне ещё с Чарскими встречаться. Давай в другой раз.

Запоздало мелькнуло в голове, что надо было бы и Пашу пригласить на новоселье. Но теперь уж что метаться, неудобно, получится, что вспомнил в последний момент. Тем более что Чарского я тоже не пригласил.

С Чарскими договорились сразу ехать на студию ансамбля «Мелодия», для чего накануне вечером нам всем пришлось ещё раз созвониться. Георгий Арамович сказал, что с утра коллектив собрать нереально, половина музыкантов в отпусках, поэтому приедет сам и будет аккомпанировать Инге на рояле. Она с первого дубля спела так, что у меня не осталось никаких вопросов. Судя по лицам Гараняна и Чарского, они испытывали похожие эмоции.

— Отлично! — выдохнули мы хором.

— А насчёт костюма уже думали? — спросил я Чарского.

— Честно говоря, как-то не до того было. Инга, ты в чём выступать планируешь?

— Ну уж какое-нибудь платье выберем, их у меня много. Может, то алое с серебряными вставками?

— Нет, друзья мои, платья тут не катят, — решительно заявил я. — На мой взгляд, Инга должна выступать в сапожках, гимнастёрке и пилотке. Волосы, само собой, убрать под пилотку.

— А что, неплохая идея, — поддержал меня Гаранян. — Только шить нужно быстро,

чтобы успеть со всеми примерками.

— Это не вопрос, у меня есть на примете отличный портной, — заявил Чарский. — И мне тоже идея с гимнастеркой понравилась.

— А ещё можно сзади Инги на сцене экран повесить, если его там нет, и на нём показывать кадры из военных фильмов. С видеорядом эффект значительно усилится.

— Действительно, Сергей Андреевич, вы просто фонтанируете идеями! Я вас давно уже, будь моя воля, министром культуры назначил бы.

— Скажете тоже...

Получив по уже привычному номиналу от антиквара на руки две тысячи, я отправился в магазин, торгующий бытовой техникой. И каково же было моё удивление, когда выяснилось, что без очереди можно приобрести только холодильник «Саратов-2». На все остальные была очередь от нескольких месяцев до года. Самой популярной оказалась модель финского холодильника «Rosenlew», на которую очередь как раз и вытянулась примерно на год. Но холодильники только что привезли, и обзвонить очередников ещё не успели.

Самое грустное, что и мне «Rosenlew» приглянулся. Понимая, что жить без холодильника больше года нереально, а что-то более простенькое покупать не хотелось, я с таксофона набрал Чарского в надежде, что этот проныра имеет связи и в сфере торговли. Как оказалось, не ошибся. Вопрос был решён за пятнадцать минут. Правда, завмагу пришлось доплатить триста рублей, чтобы в очереди я оказался впереди всех, и в итоге холодильник мне обошёлся в полторы тысячи. Но вещь того стоила! Блин, ну почему у нас не могут собирать такие холодильники?! Взяли бы и содрали, что ли, технические характеристики, раз сами придумать не в состоянии!

К счастью, занести холодильник в дом удалось без эксцессов, не ободрав ни его, ни стены с косяками. Для кухни он был великоват, поставили в просторном коридоре, благо тут же имелась рабочая электрическая розетка. Спровадив грузчиков, я заставил Валю составить список продуктов, которые следовало приобрести к завтрашнему застолью. На обдумывание списка ушло чуть ли не полчаса, в итоге за продуктами на своей «Волге» я отправился ближе к вечеру. Первым делом поехал на рынок, чтобы успеть до закрытия затариться свежими овощами и фруктами. Затем пришлось искать магазин, торгующий детским питанием, что отняло больше часа. Оказалось, в это время накормить ребёнка не так-то просто, да и те же пелёнки-распашонки тоже в большом дефиците. Это если ты хочешь купить что-то приличное, а не совсем уж кондово-совковое. Естественно, всякая мамаша мечтает видеть своё чадо в самом лучшем и модном. Хотя уж, казалось бы, какая мода в таком возрасте, распашонка — она и в Африке распашонка... М-да, министру текстильной или какой там промышленности есть о чём подумать. Главное, чтобы чиновник реально хотел что-то сделать, а не отчитывался сухими цифрами — «догоним и перегоним». А пока, похоже, министерские кресла оккупировали как раз карьеристы. Озабоченные не нуждами народа, а мыслями о том, как бы обеспечить себя и своих близких безбедным существованием на ближайшие лет сто.

После чего, наконец, отправился в «Елисейский», работавший до десяти вечера. Тут выяснилось, что из списка, предложенного женой, я могу купить далеко не всё. А ведь наверняка где-то в подсобках хранятся продуктовые наборы для знакомых. Я неплохо помнил сериал, посвящённый директору «Гастронома № 1» Юрию Соколову, которого сыграл Маковецкий. Там чего только с чёрного хода не выносили. Правда, потом, в 1982 году, директор попал под раздачу, но это уже совсем другая история...

Блин, что же делать?! Может, снова позвонить Чарскому? Похоже, этот пройдоха имел связи везде, где только можно. Тяжело вздохнув, поплёлся к таксофону. На моё счастье, антиквар был дома, и опять же мне повезло, что Анатолий Авдеевич был лично знаком с Соколовым.

— Что за праздник? — поинтересовался Чарский.

— Новоселье отмечаем, — сказал я и, раз уж пришлось сознаться, приврал: — Хотел и вас видеть в числе гостей.

Однако, узнав, на какое число запланированы посиделки, антиквар с сожалением отказался, так как на воскресенье договорился о встрече с одним весьма важным человеком, деловым партнёром из ФРГ. Причём встреча обещала затянуться на весь день.

— Так что мои поздравления с новосельем, а с продуктами, конечно, помогу. Диктуйте, что надо, записываю...

И велел перезвонить ему через пять минут. В итоге, сделав обещанный звонок, я получил указание двигать к тому самому чёрному ходу, где меня уже поджидали. Хоть и не сам Соколов, а какая-то тётка, но тем не менее в руках она держала ящик с продуктами из моего списка. Оставалось только вручить ей деньги, что я с удовольствием и сделал, отказавшись дожидаться сдачи.

В багажник моей «Волги» опустили парочка бутылок «Советского шампанского», по две бутылки красного и белого вина, а также водка «Золотое кольцо», минералка, копчёная колбаса, балык и другие деликатесы, включая баночку настоящей красной икры. В очередной раз подумалось, что это ужасно неправильно — доставать то, что тебе нужно, через служебный вход. Прилавки должны ломиться от разнообразия промышленных и продовольственных товаров. И для этого в том числе я здесь и оказался: будем менять реальность по своему усмотрению. Если, конечно, получится. И тогда такие явления будут выжигаться калёным железом. Нет, расстреливать, если человек не серийный убийца, нежелательно, но сроки давать серьёзные, чтобы другим неповадно было. Того же Соколова надо бы лет на десять закрыть... М-да, какая же я всё-таки неблагодарная скотина. Ведь, с другой стороны, занимая такой пост, он не мог поступать по-другому. Иначе не продержался бы так долго. На его место сразу же нашёлся бы более сговорчивый торгаш, так что, вполне вероятно, Соколов — это наименьшее зло из возможного.

Разгружал «Волгу» я уже в сгущавшихся сумерках под контролем жены.

— Молодец, всё купил. Остался хлеб, но завтра свежий купим.

— Я это... пойду до соседей схожу, а то вдруг домработница не передала Окуджаве, что я его приглашал.

— Иди, только по-быстрому... Плохо, что телевизора нет, в газете программу прочитала — сейчас как раз «Вечный зов» показывают.

— На следующей неделе займёмся вопросом покупки зомбоящика.

— Чего? Какого зомбоящика?

— Телевизора, я имел в виду. Пока радиолу послушай, зря везли её, что ли, шестьсот километров?.. Ладно, я пошёл, постараюсь не задерживаться.

На этот раз дверь открыла супруга Окуджавы — Ольга Владимировна. Выяснилось, что они в курсе о моём приглашении, домработница не забыла сообщить, и если завтра ничего экстраординарного не случится, то они с Булатом Шалвовичем обязательно подойдут.

Первой в воскресенье, прямо с утра приехала Ленка со своим хахалем, Виктором. Ну это и понятно, она примчалась помогать матери на кухне. Витя оказался скромным малым,

для полного образа «ботана» не хватало только очков. Признался, что очень рад познакомиться с родителями Елены, а обо мне давно наслышан, взахлёб прочитал «Марсианина» и обожал «мои» песни в исполнении Инги Чарской. От себя и падчерицы вручил набор постельного белья, заявив, что подарок они выбирали вместе.

Дамы приступили к готовке, а на меня сплавил Даньку, с которым мы сначала гуляли во дворе, а потом прошвырнулись по посёлку. До этого как-то не было времени побродить по Переделкино. Дошли до Дома творчества писателей, внутрь заходить не стали, посмотрели на входивших и выходящих постояльцев и отправились дальше. На улочках посёлка было пустынно, лишь изредка попадались прохожие или игравшие дети. Видно, не мы одни здесь обитаем с мальцом.

С прогулки вернулись оба проголодавшиеся. Даниле срочно сварили кашку, а мне перепало несколько бутербродов.

— Потерпи до пяти вечера, когда сядем за стол, не перебивай себе аппетит, — безапелляционно заявила Валя.

Стол решили накрыть на веранде. Погода стояла не слишком жаркая, и комары с мухами не особо докучали. Грех было не воспользоваться моментом, почувствовав себя героями какого-нибудь фильма о сибаритствующих дворянах с участием Михалкова. Например, «Неоконченная пьеса для механического пианино», которая на экраны вроде бы выйдет в следующем году. Только самовара не хватало. Ну не страшно, и чайником обойдёмся, мы не гордые. Если до чая дело вообще дойдёт. Спиртного должно хватить на всех, а мы ещё решили выставить подаренный Ульяновым коньяк, так что выпивки, как говорится, на любой вкус.

Из звёздных гостей первым приехал Янковский. Я приглашал его с супругой, но у той сегодня был спектакль. От своей семьи Олег вручил огромного плюшевого медведя метровой высоты — подарок малому. Оказалось, игрушку ему привезли из ГДР, то-то я смотрю, морда у медведя какая-то не совсем наша. Свой пацан уже большой, Филипп то есть, а моему как раз в радость будет.

В ожидании остальных гостей я показал Олегу дачу. В коридоре тот сразу обратил внимание на холодильник.

— Ого, «Rosenlew»! А мы почти такой же купили в прошлом году, только предыдущей модели. Жена не нарадуется: вместительный, бесшумный, и дизайн — не сравнить с нашими.

— Ничего, Олег, когда-нибудь и у нас научатся делать не хуже.

— Ты думаешь?

— Не думаю, знаю!

Был бы я генсеком, первым делом наладил бы выпуск качественных товаров. Не постеснялся бы передрать лучшие образцы той же импортной техники. Сначала можно выпускать и по лицензии, вон как китайцы, а затем уже внедрять что-то своё. Впрочем, вслух свои мысли я озвучивать не стал, а вместо этого поделился, если можно так выразиться, творческими планами. Рассказал, что забросил в «Юность» повесть, которая может стать началом серии о русском Шерлоке Холмсе. И если вдруг мои вещи соберутся экранизировать, то в главной роли я вижу только Янковского. Естественно, Олег тут же заинтересовался и пообещал купить следующий номер журнала. А заодно похвалился новыми часами. Я не без удивления узрел на его запястье «Электронику-5». Вот же, человек радуется кварцевым часам, которые в XXI веке и за часы-то не считали. Даже легендарные

«Монтана» с шестнадцатью мелодиями, которые у меня тоже имелись одно время в подростковом возрасте, потом вспоминались с улыбкой.

— С будильником, играет «Вальс Грибоедова» и «Турецкий марш», — радовался, как маленький, Янковский. — А ещё подсветка и автоматический календарь. Шестьдесят рублей за них отдал, достали по благу.

— Действительно, интересная вещь, — скрывая улыбку, приподнял я брови. — А у нас в Пензе выпускают часы «Заря», тоже вроде ничего, хвалят.

От дальнейшего обсуждения часовой промышленности СССР нас отвлекли подъехавшие Высоцкий с Мариной.

— Такой у тебя точно нет! — заявил Володя, уже на крыльце вручая мне гитару. — Америка, легендарная «Gibson». Честно скажу, мне её подарили, но она шестиструнная, а я всю жизнь играю на семиструнке. Муха не сидела. Запомнил твоё выступление у Ники, хорошая гитара ещё никому не помешала.

— Спасибо, как ты точно угадал! Моя что-то разохлась, играть невозможно стало.

— А для Валентины у меня тоже есть презент, — довольно чисто по-русски выговорила Марина (всё же, насколько я помнил, родители у неё русские, хоть и эмигранты) и вручила ещё больше обалдевшей от счастья супруге набор французской косметики.

Обнялся Высоцкий с Янковским, который, в свою очередь, галантно поцеловал руку Влади, а там и Окуджава с женой пожаловали. Булат Шалвович презентовал нам изумительной работы рог с позолоченной чеканкой ручной работы у основания и на заострённом конце. Остальная часть была покрыта лакированной росписью, изображавшей работу виноградарей.

— Из коллекции Сталина, ему в 1937-м этот «Рог изобилия» подарили грузинские виноградари, — огорошил меня Окуджава и махнул рукой. — Даже не спрашивайте, как он у меня оказался, там полудетективная история, в которой замешаны большие люди.

Тут же нарисовался и Давид Израилевич, отметившись старинными настенными часами, которые, пыхтя, приволок из своей резиденции. Не иначе, они у него там лежали не один год, прежде чем нашёлся повод кому-то их подарить. По словам же самого Раха, когда-то часы висели на даче Чуковского, я поверил ему на слово. Причём, несмотря ни на что, часы работали, и я тут же вбил в стену гостиной пару гвоздей, на которые и водрузил подарок с позолоченными гирьками и маятником.

Данька уже вовсю дрых в спальне на втором этаже. Договорились с Валею и Ленкой, что каждые полчаса будем ходить, поглядывать. И все расселись за столом. Первым пришлось выступать мне, как гостеприимному хозяину.

— Я не мастер говорить торжественные речи... Спасибо, что пришли, очень приятно видеть за нашим столом таких замечательных людей. Столько подарков... Мы вам с Валентиной очень признательны! Этот бокал шампанского я поднимаю за ваше здоровье и благополучие!

Затем по старшинству говорил Булат Шалвович. Вернее, не говорил, а пел, исполнив под подаренную мне Высоцким гитару написанную в прошлом году песню «Пожелание друзьям». Я-то уже знал её и сам поигрывал в будущем, а вот для моей супруги и Янковского песня стала откровением.

Тем более что жизнь короткая такая...

Закончив, Окуджава отложил в сторону инструмент. Все пребывали в лёгкой задумчивости.

— А я в песнях не силён, поэтому скажу прозой, — встал Янковский. — Хочу поднять тост за хозяйку этого дома. Каждая женщина должна быть Евой, умеющей создать свой маленький рай вокруг себя и своих близких. Желаю Валентине создать в новом доме рай: уют, тепло, покой, атмосферу любви, дружелюбия и жизнерадостности. За хозяйку, за её тёплые, заботливые руки, за то, чтобы этот дом и в будущем радовал наши сердца!

Валя просто пожирала актёра глазами, так что мне пришлось незаметно под столом толкнуть её ногу. Она тут же покрылась румянцем и торопливо выпила свою рюмку. Теперь супруга могла позволить себе спиртное хотя бы в небольших количествах, поскольку с грудным вскармливанием было покончено.

Высоцкий выразился проще:

— Ну, с новосельем, чтобы эти стены помогли тебе творить, а твоим близким давали чувство покоя и уюта!

Давид Израилевич выдал короткий, но сильный тост:

— Я пью за то, чтобы наши враги жили на одну зарплату и сахар имели только в моче!

Правда, после этого всё же добавил классическое поздравление с новосельем, пожелав долгой и счастливой жизни на новом месте, в которой он готов быть первым помощником. Ну ещё бы, куда без этого «завхоза»!

Марина и Ольга Владимировна обошлись без тостов, за них всё сказали мужья. Витя, словно находясь в прострации, сидел рядом с Ленкой и скромно ковырял вилкой в своей тарелке. Похоже, парень пребывал в лёгком шоке от такого собрания звёздных гостей. Но после пары бокалов вина он оживился и даже попытался вставить пару слов в завязавшуюся беседу. Впрочем, его попытки практически никто не заметил. Тем временем тема беседы перескочила на фильмы Леонида Гайдая.

— Я и говорю, что фильмы Гайдая не несут в себе никакой смысловой нагрузки, — горячился подвыпивший Янковский. — Что за фильм ни возьми — сплошная клоунада. Это при всём моём уважении к тем же Олегу Далю, Андрею Миронову и Анатолию Папанову, да и другим актёрам.

— А я ведь едва не сыграл у него Бендера в «12 стульях», — с ноткой грусти вспомнил Высоцкий. — В последний момент кому-то наверху моя кандидатура показалась сомнительной, и утвердили Гомиашвили. Сейчас ты и меня ругал бы?

— Так ведь не утвердили же! А если бы снялся — может, и ругал. Хотя это едва ли не единственный фильм Гайдая, за который не так стыдно.

— Молодые люди, не всё же кино должно нести в массы идеологическую примесь. Оно должно и развлекать иногда, — не сдержался Окуджава.

— Вот-вот, — поддакнул Давид Израилевич, — жизнь и без того нелёгкая, а кино должно стать отдушиной. Нам-то с Булатом Шалвовичем с высоты прожитых лет виднее.

Затем разговор перешёл на футбол. Вспомнили прошедший чемпионат Европы, куда наша сборная не пробилась, и издевательский для вратаря гол с пенальти чеха Паненки в финальном матче. Поговорили о поэзии. Выяснилось, что Высоцкий увлекается стихами средневековых восточных поэтов — китайца Ли Бо и японца Басё. Не удержался, пожаловался, что не берут его в Союз писателей СССР. Находясь под спиртными парами, я самонадеянно пообещал решить этот вопрос, сам толком не понимая, как такое дело проверить.

Не обошли стороной, понятное дело, и диссидентов. Ну блин, как же без этого-то в творческой тусовке! Сначала обсуждали Солженицына, Войновича с его Чонкиным и «Поиски жанра» Аксёнова, затем перескочили на политических диссидентов. Перемыли косточки Боннэр и Сахарову, далее перекинулись на сторонников русского национализма Шафаревича, Бородина и Осипова.

Женщинам стало скучно, они организовали свою тусовку, похоже, им нашлось о чём поговорить. Между тем я подумал, что пора прекращать эти политические дебаты, пока до греха не дошло. А то мало ли, вдруг тот же Давид Израилевич между делом постукивает. Интересно, а я завербованный агент или нет? То, что я давал показания в областном управлении КГБ, — считается вербовкой?

Прогнав эту мысль из головы, предложил собравшимся что-нибудь спеть. В первую очередь предложение относилось к Окуджаве и Высоцкому, поскольку в бардовских способностях Янковского и тем более Раха я сомневался. Оба идею восприняли с энтузиазмом, и вновь по старшинству первым инструмент взял Булат Шалвович. Вооружившись фотокамерой, я фиксировал на плёнку исторический момент.

Я ждал, что бард споёт «Ваше благородие» из фильма «Белое солнце пустыни», но он обходил это произведение, а я стеснялся попросить. Начал он с «Арбатского романса», затем спел «Бумажного солдатака» и закончил «Молитвой». После чего инструмент взял Высоцкий. Похоже, настроение у него было приподнятое, он выбрал из своего репертуара юморные вещи. Зазвучали аккорды «Письмо рабочих тамбовского завода...», кто-то стал подпевать.

— Теперь песня о конькобежце, который рванул на десять тысяч, как на пятьсот, — довёл до нашего сведения Высоцкий, ударив по струнам.

Через какое-то время очередь дошла и до меня, хотя я честно отнекивался. Но народ собрался упорный, пришлось брать гитару. Поддержать весёлый настрой, заданный Семёнычем, или ударить русским роком по неокрепшим умам? А давай-ка спою «Осень» Шевчука! Пусть и не по погоде песня, но что-то вот, как говорится, приспичило. Запел, стараясь придать голосу побольше хрипотцы:

Что такое осень — это небо,
Плачущее небо под ногами...

Не успев насладиться превосходными эпитетами, перешёл к более задиристому «Скворцу» из репертуара «Машины времени»:

Куда нам против природы,
И дело — дрянь, и лету конец.
И только, споря с погодой,
Поёт какой-то глупый скворец...

Песня в это время ещё не была написана, «машинисты» разродились ею в 80-х, так что я не опасался прослыть плагиатором. Но вот этот подтекст, о котором, похоже, догадались не только гости из числа мужчин, но и супруга Окуджавы, мог сослужить мне недобрую службу.

Тот же Рах возьмёт и донесёт куда надо. Ну да ладно, Бог не выдаст, свинья не съест.

— Ладно, хватит на первый раз, — улыбнулся я, закончив петь и отставляя инструмент в сторону.

— Очень талантливо, — сказал Окуджава. — Это что-то новое, я раньше не слышал.

— Да это так, для себя, — заскромничал я. — О, Валя горячее несёт!

Супруга расстаралась, приготовив в духовке свиные рёбрышки с горчицей и мёдом. Гарниром выступали небольших размеров отварной картофель, красиво нарезанные огурцы с помидорами, пучки укропа и петрушки.

— Под такое угощение можно и ещё по одной, — заявил Высоцкий, потянувшись за бутылкой водки.

Сегодня он предпочитал этот brutальный напиток всем остальным, тогда как Окуджава, к примеру, налегал на вино, а Янковский дегустировал коньяк.

— Володя, — умоляюще попросила его Влади, — может, хватит уже на сегодня?

— Мариш, любовь моя, эта последняя, клянусь!

Да уж, в очередной раз посетила меня мысль, сопьётся Семёныч в итоге, а я тут всячески этому потворствую. Нет чтобы придумать, как спасти его... Но, с другой стороны, есть такое слово — «карма». Я в своё время смотрел голливудский фильм «Пункт назначения». Герои знали, что их ждёт смерть, всячески пытались изменить свою судьбу, однако старуха с косой всё равно их находила. Может, и с Высоцким та же история? Скорее всего, он сам по себе деструктивный персонаж, склонный к саморазрушению. Да и вдруг после моего серьёзного вмешательства он не сыграет Жеглова? Никого другого, кроме Высоцкого, в этой роли я не представлял, как наверняка и большинство моих современников из будущего. Сам себе тогда не прощу.

Между тем Валя включила радиолу, поставила пластинку с каким-то весёлым диско. Супруга, уже будучи явно навеселе, вытащила меня из-за стола, заставив с ней отплясывать, тут же присоединились и Ленка со своим хахалем. Когда же поменяли пластинку, я предложил Валентине повальсировать с Янковским.

— Всё, родная, не могу больше, — сказал я, вытирая вспотевший лоб.

Олег, до того с прищуром глядевший на па, которые мы выделявали с женой, согласился без раздумий. Здесь и остальные тоже решили подвигаться. Высоцкий танцевал с Влади, а Окуджава со своей супругой, благо что места на веранде хватало всем. Ленка, заметив, что Давид Израилевич скучает, втихую прикладываясь к бутылке с коньяком, отшла на время Виктора и вытащила из-за стола «завхоза». Тот пробовал возразить, мотивируя это тем, что якобы не умеет танцевать, однако девушка была настойчива. В итоге Рах согласился и вскоре тоже закружился в вальсе.

Когда танцы закончились, Янковский неторопясь набил трубку и закурил, наполнив всё вокруг облаком ароматного дыма. Глядя на него, Высоцкий тоже решил присоединиться, и Окуджава не отставал, вытащив пачку «Житана».

— Куришь? — спросил Володя, протягивая мне сигарету.

— Не имею привычки, ты же ещё в Пензе спрашивал...

— А, точно, запамятовал. Кстати, над чем сейчас работаешь?

— Цикл новый начал, о русском Шерлоке Холмсе, которого зовут Эраст Фандорин. Расследует самые запутанные дела в дореволюционной России.

— Слушай, ты меня заинтриговал. Я в своё время по молодости всего Конан Дойла перечитал. Уже что-то написал?

— Первую повесть уже отдал Полевому, в «Юность». Собираюсь начать работу над второй... Кстати, у меня завалилась ещё парочка экземпляров рукописи, могу дать ознакомиться.

— Конечно, с радостью почитаю.

— Тогда пару минут, я схожу наверх, сейчас принесу.

Рукопись я упаковал в папку, крепко завязав тесёмки.

Неизвестно, в каком состоянии сегодня ещё Высоцкий доберётся до дома, а так папка не развяжется и её содержимое не рассыплется.

И между прочим, если вдруг дело дойдёт до экранизации, можно и Семёныча предложить режиссёру в качестве главного героя. Успех фильму будет однозначно обеспечен. Единственная загвоздка в том, что, может, Высоцкий и успеет сняться в одном фильме, даже, вероятно, и в следующем. Но серия наклёвывалась долгоиграющая, не хуже, чем у Масленникова с Ливановым и Соломиным. И далеко не факт, что актёр к тому времени переживёт себя из параллельной реальности. А я на двух фильмах останавливаться не собирался.

Или, может, в «Азазель» Высоцкому подошла бы роль шефа полиции Бриллинга? С виду блестящий, вышколенный, умный и преданный службе человек, а на деле оказалось, что он — один из питомцев леди Эстер, одержимой идеей мирового господства. В сериале Адабашьяна Бриллинга сыграл Безруков, думаю, у Высоцкого получилась бы совсем другая подача. И желательно снимать не сериал, а полный метр, у меня почему-то к сериалам имелось предубеждение.

Тем временем начало темнеть, и Окуджава с супругой решили откланяться, сославшись на то, что завтра у Булата Шалвовича запись на радио. Но прежде на прощание сделали групповой портрет, заставив Витеньку выступить в роли фотографа. А следом засобирались и остальные. Я позвонил в службу такси, номер которой разузнал заранее, вызвав две машины. Но Янковский, услышав, как я общаюсь с диспетчером, замахал руками:

— Вторую не надо, отмени, мы с Володькой и Мариной вместе доедем. Живём всё-таки недалеко друг от друга.

Прощались мы душевно, пообещав, как это и присуще поддатым товарищам, встречаться тёплой компанией почаще. Проводив гостей, Валя с Ленкой, решив не откладывать на завтра, принялись убирать со стола и мыть посуду. Мы решили, что падчерица с ухажёром переночуют у нас, а утренней электричкой уедут в Москву. Причём Виктору постелили на диване внизу, так сказать, во избежание. Но, похоже, он и сам с облегчением воспринял это предложение, видно, парень побаивается немного настырной провинциалки, хотя и сам был не столичным жителем, приехав из Донецка.

Пока женщины прибирались, я возился с проснувшимся Данькой, который, словно котёнок, увлечённо ползал за маленьким резиновым мячиком. А ближе к полуночи я решился сам его уложить спать, негромко напевая под гитару «Город золотой». На третьем проигрыше сын уснул, а я отправился под тёплый бочок любимой жены, которая сегодня так увлечённо вальсировала со своим кумиром.

«...Все мы помним великолепные произведения писателя, такие как „Печальный детектив“, „Крейсера“, наконец „Марсианин“. Сергей Губернский сам поднял планку, которую, к сожалению, с выходом в свет научно-фантастического романа „Купол надежды“ заметно опустил. Понятно, что, принимая непосредственное участие в съёмках фильма и при этом успевая писать песни, Губернский попросту себя загнал. Однако хочется верить, что талант и трудолюбие не позволят Сергею Андреевичу долго почивать на лаврах и вскоре мы увидим новые вещи автора, достойные того, чтобы о нём вновь заговорили».

Я отложил в сторону свежий номер «Комсомолки», задумчиво глядя в окно своего кабинета. Затем перевёл взгляд на пишущую машинку, в которую был вставлен свежий лист с напечатанным на нём заглавием повести «Турецкий гамбит». Как раз приступил к очередному воровству чужой интеллектуальной собственности, когда от работы меня отвлекла Валя, положившая на стол «Комсомольскую правду» со словами:

— Завистники не дремлют.

К сожалению, автор заметки, некто Л. Графова, была права. Второпях кинул в издательство то, что попало под руку, даже не думая о последствиях. А с другой стороны, у меня в «ридере», по существу, на тот момент оставался неохваченным только Акунин, не «палиться» же на Семёнове, который наверняка после вынесения приговора Огороднику уже задумал писать «ТАСС уполномочен заявить». А может, и Поляков его сподвигнет на что-то, тот фигура вообще высокого полёта.

Так что после долгих раздумий я отнёс «Азазель» Полевому, решившемуся, к моей радости, опубликовать произведение. Посмотрим, что критики напишут после выхода в свет этой повести.

Ладно, почитали о себе — пора и поработать. Я покосился на прикрытую дверь и вытащил из ящика стола электронную книгу. Что ж, приступим...

Где там, приступил, называется! Тут же отвлёк звонок. Беспокоили из Союза писателей.

— Сергей Андреевич, спешим вас обрадовать: за роман «Марсианин» вы стали лауреатом премии «Хьюго»!

— Что, серьёзно?!

— Да, примите наши искренние поздравления! Правда, все лауреаты уже получили свои премии в рамках «WorldCon», куда вы не попали. И поскольку с выездом в Соединенные Штаты у вас не сложилось...

— Почему это не сложилось? Мне никто и не предлагал!

— Хм, видите ли, Сергей Андреевич, секретариат Союза писателей сразу занялся этим вопросом, и сверху мы получили чёткие указания, что ни «Оскары», ни «Хьюго», ни другие премии империалистов нас не интересуют. Но американцы оказались очень настойчивыми, и завтра посол США в СССР Уолтер Стессел хотел бы лично вручить вам премию у нас в Союзе писателей. Сможете подъехать к одиннадцати часам дня?

— Да без вопросов. Костюм не нужен?

— Если оденете — это только приветствуется, всё-таки мероприятие с оттенком официоза. Но американцы в этом плане демократичны, так что на ваше усмотрение.

В итоге я тоже отдал предпочтение демократичному стилю одежды и заявился в Союз писателей в лёгких туфлях, джинсах и заправленной в них светлой рубашке с закатанными

рукавами. Посол оказался подтянутым, улыбочивым мужчиной лет за пятьдесят.

— Поздравляю, мистер Губернский, — на довольно сносном русском поприветствовал он и пожал мне руку. — Ваш роман оценён читателями по достоинству, признаться, я и сам его прочитал буквально за день.

Затем, ослепительно улыбаясь, вручил мне статуэтку в виде взлетающей ракеты. Попозировали двум фотографам. Как позже выяснилось, один представлял посольство, а другой — «Литературную газету», где вскоре и появилась небольшая заметка обо мне с соответствующей фотографией. А тогда, поблагодарив господина посла, не отказался выпить с ним по бокалу шампанского, обменявшись дежурными любезностями.

Приятно, чёрт побери, когда твой труд, хотя и ворованный, отмечают такими премиями!

На следующий день я созвонился с Тарковским. Мне не терпелось узнать, что там с картиной, которую вроде уже смонтировали, и когда планируется предпремьерный показ для руководителей Госкино и «Мосфильма». Пришлось обзвонить всю киностудию, прежде чем я нашёл режиссера на монтаже. Выяснилось, что возникла проблема с хронометражем, который составил почти четыре часа. Кураторы проекта потребовали сократить хронометраж хотя бы до ста семидесяти минут, чтобы его можно было пустить в кинопрокат, а не показывать сериями бесплатно по ТВ. Ведь репортаж со съёмочной площадки уже проходил в «Кинопанораме», в павильон «Мосфильма» приезжал сам Рязанов с оператором.

— Одним словом, мы сейчас с монтажёрами сидим и думаем, что бы ещё вырезать без ущерба для качества картины, — подытожил Тарковский.

— Андрей Арсеньевич, я вас умоляю, не режьте только сцены спецэффектов!

— Я знал, что вы об этом попросите, потому и стараемся особо не трогать эти кадры. Тем более что на их съёмку были затрачены большие силы и деньги. Не обещаю, что всё сохраним, но будем стараться по возможности оставить сцены технического плана, особенно сцены невесомости.

— Спасибо! И от меня, и от Клушанцева, который в этот фильм вложил всю душу. Когда примерно предпоказ планируется?

— До конца недели с монтажом надеюсь закончить, затем озвучка и сведение. В конце августа — начале сентября, если всё будет нормально, представим фильм комиссии.

А у меня тем временем приближалась дата отъезда в белорусский санаторий «Летцы». Регулярно названивая помощнику Машерова, выяснил, что первый секретарь на отдых отправится 7 августа. А ещё через пару дней ждут и меня, номер на моё имя уже забронирован.

— Сейчас занимаемся вопросом покупки для вас билетов на поезд из Москвы до Витебска...

— Нет-нет, я сам доберусь, на машине, не беспокойтесь.

С каждым днём, приближавшим меня к откровенному разговору с Машеровым, я волновался всё больше. Пытаясь как-то отвлечься, сосредоточился на перепечатывании Акунина. Закончив «Турецкий гамбит», сразу же приступил к «Левиафану». Блин, когда уже изобретут компьютер?! Надоел уже этот треск от каретки и постоянная заправка листов...

Хорошо ещё, что удалось без особых проблем установить в моём рабочем кабинете второй телефонный аппарат. Почему мой предшественник этим не озаботился, можно только гадать. Вероятно, не любил, чтобы его отвлекали звонки во время работы. Мне же наличие аппарата показалось делом нужным, то и дело приходилось кому-то звонить или меня кто-то искал. Вопрос решился с помощью Давида Израилевича, буквально на следующий день

после моего к нему обращения явился мастер и, похвалив, что не стал покупать ненадёжный кнопочный телефон, а выбрал с традиционным дисковым набором цифр, приступил к работе.

Между тем наступил день концерта, где предстояло выступить Инге и «Весёлым ребятам». Чарский приглашал меня на него, пообещав достать пригласительный в первые ряды, но я вежливо отклонил предложение. Мол, сильно занят, в поте лица пишу новую книгу, рабочий кабинет покидаю, только чтобы поесть и справить нужду. И в принципе, я был недалёк от истины.

Созвонились снова на следующий день.

— Публика была в восторге! — не менее восторженным голосом доложил Анатолий Авдеевич. — На концерте присутствовали министр обороны Устинов, первый секретарь московского горкома партии Гришин и руководитель комитета Андропов. Весь зал после выступления Инги аплодировал стоя. Ну и она в подпоясанной гимнастёрке, сапожках и пилотке смотрелась очень, знаете ли, органично.

— А как там «Весёлые ребята»?

— У них тоже всё хорошо, спели две песни, бурные овации и т. д. и т. и. Да что рассказывать, концерт на следующей неделе в записи покажут, сами и увидите.

— Это да, только я никак до покупки телевизора не дойду. Ерунду брать не хочется, а хорошие — опять по очереди. Об импортных я вообще молчу, их днём с огнём не сыщешь.

— Сергей Андреевич, что же вы, дорогой, сразу не сказали?! Давно бы с телевизором проблему решили!

— Да как-то неудобно снова вас просить...

— Ой, да бросьте! Свои люди — сочтёмся, как говорил Островский. Я сегодня же позвоню своему хорошему знакомому, заведующему отделом бытовой электротехники в том же магазине, где вы брали холодильник. Или всё же импортный желаете?

— Да, пожалуй, импортный предпочтительнее, тем более деньги вроде есть, на днях аванс получил от одного американского издательства.

— Ого, поздравляю! Выходите на международную арену! А раз вы предпочитаете импортные вещи, то попробую набрать заведующего комиссионкой. У него порой попадаются очень неплохие вещи, которые он не всегда выставляет напоказ, а откладывает для таких, как, например, ваш покорный слуга.

— Спасибо огромное! Ну теперь точно придётся дарить вам с Ингой новую песню. Постараюсь написать до отъезда в Белоруссию.

— Достойный обмен... А вы что, в Белоруссию собрались?

Пришлось объяснять, что недельку поживу в одной санатории с Машеровым, буду записывать его воспоминания для книги. В свою очередь, Чарский поделился планами относительно скорой поездки в Италию, где он присмотрел какую-то уникальную вещь и уже договорился её выкупить.

Буквально через пятнадцать минут Анатолий Авдеевич позвонил снова, поинтересовавшись, не имею ли я что-то против немецкого телевизора «Telefunken», которому всего полгода, практически новый. Нет, не имею. И тогда мне было сказано, что заведомо ждёт меня завтра ближе к пятнадцати часам, поскольку до обеда он будет отсутствовать по уважительной причине.

Назавтра первую половину дня я посвятил покупке стиральной машины. Валентина отправилась со мной, не доверяя мне приобретение, как она выразилась, столь деликатной

вещи. И пацана захватила. Куда деваться, оставить его было не с кем, не Ленку же звать специально. К счастью, на машинки не было такого ажиотажа, как на телевизоры и холодильники, поэтому мы без особых проблем приобрели «Вятку». Она явно выигрывала в сравнении с «Малюткой», оставшейся в Пензе.

Отобедав и оставив Валю разбираться со стиралкой, в начале третьего я отправился в комиссионный недалеко от Арбата. Народу у длинного прилавка почти не наблюдалось, только одна старушка пыталась всучить продавщице золотой медальон, за который, по её мнению, не давали достойной цены. Я позвал другого продавца, и, когда он донёс до завмага весть, что я от Чарского, тот вышел к прилавку, удостоверился, что я тот самый Губернский, и лично принёс из подсобки телевизор.

— Морячок один, в загранки ходит, буквально вчера принёс аппарат на продажу, — рассказывал заведующий комиссионным, подключая телевизор к сети. — Он у меня частенько бывает, иногда мы что-то продаём, иногда я что-то для себя или знакомых оставляю. И вот вам, видите, подвезло... Ну вот, всё работает, видите, как чистенько с обычной антенной показывает? А если ещё и с усилителем купите...

— У вас есть?

— Антенна? Нет, чего нет — того нет, но в любой радиотехнический магазин можете зайти, наверняка там есть.

— Хорошо, беру телевизор. Сколько с меня?

Озвученная сумма заставила меня слегка приподнять брови. Заметив мою реакцию, завмаг вполголоса пояснил, что помимо той суммы, которая будет указана в чеке, он берёт себе за труды ещё и небольшие, скажем так, комиссионные.

— Недаром же я в комиссионке работаю! — улыбнулся делец. — У вас свой транспорт? А то за дополнительную плату...

— Нет, спасибо, я на «Волге».

— Тогда лучше везите на заднем сиденье. Целее будет.

По пути в Переделкино я приобрёл телеантенну с усилителем сигнала, и уже вечером мы с Валентиной пялились в цветной экран. Всё-таки хорошая вещь телевизор, особенно в то время, когда и компьютеров не было. Хоть какое-то развлечение для простых обывателей. Правда, смотреть по ТВ особенно нечего, на взгляд жителя первой половины XXI века, советское телевидение — самый настоящий отстой. Ну а что смотреть? «А ну-ка, парни!» или аналогичный вариант с девушками? «Песню года», считавшуюся в этом времени верхом счастья всех домохозяек? Ну, согласен, «Песня года» — ещё куда ни шло. «Музыкальный киоск», «Утренняя почта»... Всю музыкальную редакцию ЦТ нужно разгонять к чертям собачьим, нельзя же кормить зрителя такой хренью. И дать установку показывать клипы зарубежных групп, да и нашим ВИА расстараться, чтобы сочиняли не идеологически грамотные песни, а такие, чтобы народ их реально распевал. Вон, хотят люди Высоцкого — пусть его будет завались. И нехай «Машина времени» распевает на всех трёх каналах. «Очевидное-невероятное» с Капицей в принципе сойдёт, только побольше экшна в программу добавить, а то, слушая профессора, можно даже заснуть, что и очевидно, и вероятно. В «Кинопанораме» рассказывать не только о советском кино, но и о новинках зарубежного проката. Можно же в том же Голливуде найти сейчас фильмы, не несущие в себе какой-то идеологической нагрузки. Да и в наш прокат их пустить, то-то государству прибыль пойдёт! Хотя на фоне западных блокбастеров наши фильмы будут смотреться серой массой... Ну и что, пусть тянутся, берут пример, чтобы было не хуже!

Что-то я размечтался, а жену вон уже в сон клонит, головку на плечо положила, глазки прикрыла, посапывать начинает. Пойду-ка Даньку гляну, как он там, а потом и Валюшку в постель, и сам с ней рядом. Прижмусь к ней, обниму, уткнусь носом в каштановую шевелюру и буду смотреть хорошие сны.

На следующий день я решил позвонить Чарскому и порадовать его новой песней для Инги. Чтобы не тянуть с подарком, всё ж таки человек мне уже не раз помогал, можно сказать, бескорыстно, а мой скромный композиторский труд оплачивал по высшему разряду. Настал черёд сделать ему презент. А поскольку подарок должен быть запоминающимся, то я выбрал творение Игоря Николаева «Айсберг». Всё-таки на заре моей жизни она звучала едва ли не из каждого утюга и поневоле отложилась в памяти. Хотел почти год назад презентовать его Пугачёвой, да в итоге придержал. Как оказалось, не зря.

— «Ледяной горою айсберг из тумана вырастает, и несёт его теченьем по бескрайним по морям», — напевал я, подбирая аккорды.

К счастью, не очень сложные, и часа через два я приступил к записи нот. А когда всё было готово, с лёгким сердцем набрал из своего кабинета телефон Чарского.

— Алло, — голосом потомственного дворянина выдал на том конце провода антиквар.

— Добрый день, Анатолий Авдеевич, это Губернский...

— А-а, Сергей Андреевич, приветствую.

— Я звоню с хорошими новостями. Помните, обещал вам подарить песню? Так вот, она готова, однозначно станет хитом.

— Вот это действительно новость так новость! Не ожидал, что вы так скоро управитесь... Я просто в нетерпении! Когда же можно будет её услышать?

— Да могу подвезти хоть сегодня. Тут вполне можно обойтись роялем, незачем тревожить Гараняна.

— Тогда жду, я весь день дома. Надеюсь, послезавтра полечу в Италию с хорошим настроением. Заранее уверен, что ваша песня станет шлягером.

До Чарских я добрался через полтора часа, пообещав Вале вернуться как минимум к ужину. Инга в очередной раз порадовала, схватывая всё на лету. Даже по моей просьбе сумела первый куплет пропеть на пониженных, подражая Пугачёвой. Но в итоге мне всё же больше пришёлся по душе её вариант, когда она поёт легко и естественно. Решили идти своим путём. Кстати, сама Чарская и подыгрывала себе на рояле, причём мои ноты в который уже раз страдали минимализмом. Однако Инга сумела прекрасно себе аккомпанировать, добавив некоторой аранжировки.

— Мне нравится! — с детской непосредственностью заявила девушка, опуская крышку рояля.

— Спасибо, Сергей Андреевич, удружили! — сказал Чарский. — Поистине королевский подарок, и мелодия запоминающаяся, и слова прямо-таки за душу берут.

«Спасибо нужно говорить Игорю Николаеву и Лидии Козловой, — подумал я. — Надеюсь, она ещё не написала эти стихи, а то ведь оконфузишься — мало не покажется».

Между тем я подумал, почему бы мне не вступить и в Союз композиторов? Тоже, наверное, нужны рекомендации уже состоящих в Союзе, как было и в случае с писательским. Тут у меня имелся какой-никакой выбор: Паулс, Слободкин и Гаранян. Тем более что ноты я в принципе знаю, а что не умею пока играть на рояле — это не фатально, где написано, что композитор обязан владеть клавишными?

Кто из этой компании наиболее влиятелен? Паша ещё молод, но всё равно довольно

известен. Не говоря уже о Паулсе и Гараняне. С другой стороны, Раймонд Вольдемарович в Прибалтике, а эти двое в Москве, да и работал я с ними чаще, а с Паулсом только с песней «Миллион алых роз» моя жена сотрудничала. Решено, сейчас же звоню Слободкину и Гараняну.

Вопрос с рекомендациями решился без проблем, оба согласились за меня поручиться перед руководством Союза композиторов. И уже на следующий день я заехал сначала к одному, затем к другому за рекомендациями, которые приложил к своему заявлению.

— Простите, а какое музыкальное заведение вы заканчивали? — поинтересовался у меня очкастый пенсионер, которому я вручил заявление с рекомендациями.

Вот же подстава! Хотя ещё и Гаранян предупреждал, что спросят о музыкальном образовании, а я понадеялся на авось. Ладно, пойдём ва-банк.

— Никакое, самородок я, — и развожу руками, мол, бывает же такое.

— Но позвольте, вы должны были закончить как минимум музыкальное училище, а желательно вообще консерваторию...

— А что, Моцарта и Бетховена, которые консерваторий не заканчивали, в Союз не приняли бы?

— Ну, знаете, сравнивать себя с такими колоссами!..

Казалось, пенсионер сейчас задохнётся от возмущения.

Я же ощущал полное спокойствие. Ну не примут, и хрен с ними, мне пока и Союза писателей за глаза хватает. Просто подумалось, а почему бы заодно не податься в композиторы? Лишние плюшки не помешают.

— А рекомендаций Слободкина и Гараняна вам что, недостаточно? Вы вообще слышали песни на мою музыку?

— У нас тут не Дом культуры, чтобы песни слушать, у нас серьёзная организация, а на вашем счету, как я догадываюсь, ни одной симфонии или оперы.

— То есть вы считаете, что простых советских граждан на трудовые и боевые подвиги поднимали оперы и симфонии? А не песня «Вставай, страна огромная!» или «Марш коммунистических бригад»?! Что вы скажете французам, которые сражались за свою свободу под слова «Марсельезы»?

— Вы передёргиваете...

— Нет, уважаемый, не знаю, как вас зовут...

— Модест Илларионович Шпон, к вашему сведению, автор симфонии «Ленин жив!», — заявил старичок и попытался гордо выпятить свою впалую грудь. Подумалось, не подыграть ли ему, может, примет за чистую монету?

— Ну как же, слышал, великолепная симфония! А я и не знал, что это вы её автор. Польщён лицезреть вас перед собой, а также искренне надеюсь на ваше содействие.

Ага, вон как глазки-то заблестели. Любит, старый пердун, чтобы ему осанны пели. Ну да мне не жалко, пусть на старости лет потешит своё самолюбие.

— Ладно, молодой человек, я передам ваше заявление на рассмотрение членами комиссии. Позвоните через неделю, возможно, уже будет вынесено какое-то решение.

Через неделю я могу позвонить, только уже из Белоруссии, куда собирался выезжать буквально на днях.

«А дорога серую лентою вьётся», — напевал я, вторя Олегу Анофриеву, чья песня о шофере как нельзя кстати доносилась из установленных в моей «Волге» динамиков. Тёплый августовский день клонился к закату, за спиной осталось около полутысячи километров, и я на крейсерской скорости приближался к санаторию «Летцы», где меня ждала встреча с первым секретарем компартии Белоруссии Петром Мироновичем Машеровым. Правда, в конце пути я едва не заблудился, хорошо, что какие-то грибки или дачники, ожидавшие на остановке рейсовый автобус, подсказали, где нужно сворачивать.

Санаторий оказался затерян в хвойных лесах, располагаясь едва ли не на берегу озера Шевино. Припарковавшись у ворот санатория уже в сгущавшихся сумерках, я прошёл в административное здание, назвал себя, оказалось, что меня уже ждали. Тут же куда-то позвонили, и вскоре появился человек, представившийся Николаем Петровичем, тем самым, с которым я и держал связь по телефону. Не иначе, неизменно находился при шефе, включая отпуска и командировки. Попросил дежурную выдать мне ключи от забронированного на моё имя номера и провёл на второй этаж.

— Пётр Миронович живёт в отдельном домике, а я и его личный охранник расположились в соседнем, — сказал провожатый, запуская меня внутрь. — Машеров уже вернулся с вечерней прогулки к озеру, сейчас у него минеральные ванны, затем ужин. Если что, звоните дежурной, номер телефона вот здесь, под стеклом на тумбочке. Она нами проинструктирована, все ваши просьбы будут выполняться незамедлительно. Естественно, если просьбы будут в пределах разумного... Кстати, магнитофон захватили?

— Конечно, только он в машине остался, за оградой. И другие мои личные вещи там.

— Что же вы сразу не сказали, на территории санатория имеется специальная автостоянка. Пойдёмте, загоните машину внутрь, а я предупрежу Петра Мироновича о вашем приезде. Тогда будем действовать в соответствии с его указаниями.

Через четверть часа, когда я уже поставил «Волгу» на стоянку и принёс свои вещи в номер, Николай Петрович вновь появился и сообщил, что Машеров готов встретиться со мной завтра в десять часов утра у себя в домике. А пока мне можно пройти в столовую поужинать.

— Кормят здесь чудесно, — доверительно, словно какую-то государственную тайну, сообщил референт. — Продукты доставляются из ближайших хозяйств. Может, и без особых изысков, но, поверьте, голодным вы точно не останетесь.

Спровадив его, я занялся разбором вещей. Проверил работу портативного кассетного магнитофона «Легенда-401» производства Арзамасского приборостроительного завода. Его я приобрел за сто семьдесят рублей, к счастью не прибегая к закулисным интригам, как в случае с телевизором. К магнитофону прикупил выносной микрофон и пару десятков кассет, которых, на мой взгляд, должно было хватить для моей работы.

После почти десяти часов за рулём я отрубился сразу же, едва добравшись до постели. А вот проснулся ни свет ни заря, с думами о том, как строить сегодняшний день. Сразу лезть в лоб со своими признаниями, пожалуй, не нужно, это я продумал заранее. Также заранее отпечатал свои показания на машинке, ещё в Переделкино. То есть если я, к примеру, по какой-то причине не смогу всё рассказать Машерову, за меня это сделает машинописный текст на двадцати пяти листах, папку с которым я собирался отдать Петру Мироновичу

одновременно с моим признанием. Или, может, сначала отдать для ознакомления, подготовить почву? Ладно, там сориентируемся.

Захватил я, естественно, все вещи, которые попали со мной сюда из будущего, за исключением одежды, чтобы не привлекать лишнего внимания. То есть по местным меркам я одевался вполне даже прилично, считая настоящие американские джинсы, джинсовую куртку и кроссовки «Adidas», но сильно на фоне других советских граждан не выделялся. До кучи прихватил трико и кеды, чтобы сочетать отдых со спортивными занятиями.

[Купить полную версию книги](#)